

National Library of Russia
Institute for the History of Natural Sciences and Engineering RAN
Saint-Petersburg Branch

Российская национальная библиотека
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники РАН

**CENSORSHIP IN RUSSIA:
HISTORY AND THE PRESENT**

**ЦЕНЗУРА В РОССИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

COLLECTED PAPERS

Сборник научных трудов

Issue 10

Выпуск 10

Part 2:

Часть 2:

Documents, reference material, reviews

Публикации, обзоры, рецензии

Saint Petersburg
2021

Санкт-Петербург
2021

**ИСТОРИЯ МОИХ ЛИФЛЯНДСКИХ
ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ:
ОЧЕРК ВОСПОМИНАНИЙ ГАРЛИБА МЕРКЕЛЯ**

Перевод Г. А. Фафурина.

Вступительная статья, публикация и комментарии

Д. А. Бадаляна и Г. А. Фафурина

Garlieb Merkel

**The Story of My Livonian Periodical Editions: An Excerpt
from My Memoirs**

Translated by G. A. Fafurin.

Introductory article and commentary by

D. A. Badalian and G. A. Fafurin

Abstract

This is the first publication in Russian of an excerpt from the memoirs of Garlieb Helwig Merkel, a journalist, litterateur and educator who was born and spent most of his life in the Eastsee region. In his memoirs, Merkel tells about the German-language periodicals he put out in Riga in 1806—1838 and about the circumstances in which this work was done. These periodicals included the newspapers «Der Zuschauer» (1807—1831), «Supplementblätter zum Freimüthigen» (April-June, 1807) and «Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Ehistland» (1827—1838), as well as «Literarischer Begleiter des Provinzialblattes für Kur-, Liv- und Ehistland» (1828—1838). The memoirs themselves, as well as the introductory article describe Merkel's relationship with the censorship organs at a time when they were overseen by the Minister of Popular Education, S. S. Uvarov.

Публикуемый мемуарный очерк Гарлиба Меркеля — важный источник по истории периодической печати в России первой половины XIX в. и главным образом — немецкоязычной прессы. Его автор, литератор, издатель и журналист описывает свою деятельность с 1805 по 1839 г. И, вполне ожидаемо, он не обходит стороной наиболее драматичные события эпохи, связанные с Отечественной войной 1812 г. и Польским восстанием 1830—1831 г. Повествует он также об отношениях с цензурой и с высшими государственными чиновниками в Остзейском крае и в С.Петербурге.

Очерк был написан около 1840—1842 гг., а увидел свет десятилетия спустя, после смерти автора — в 1898 г., в издававшемся в Риге немецкоязычном журнале «Baltische Monatsschrift» («Балтийский ежемесячник»). Его

подготовил к печати и сопроводил предисловием рижский историк, публицист Г. Дидерикс. С тех пор эти воспоминания не раз цитировали и на них ссылались исследователи, пишущие по-русски, по-немецки и по-латышски. Однако в русском переводе они публикуется впервые.

Гарлиб Меркель — просветитель, журналист и издатель

Автор воспоминаний, Гарлиб Гельвиг Меркель (1769—1850), родился в Лифляндии в лютеранском приходе Лоддигер (совр. Лёдурга). Его отец, сельский пастор, получил образование в Виттенбергском и Страсбургском университетах. Он сам занимался обучением сына, а затем отдал его в Домскую школу, одну из лучших в то время в Риге. Однако он скончался, когда Гарлибу было 12 лет. Не по возрасту развитый мальчик провел свои подростковые годы в чтении книг из библиотеки, собранной отцом. Прежде всего ей он обязан был своими познаниями в истории, философии, литературе, а также владением языками. Помимо родного немецкого, он знал латынь, французский, английский и итальянский языки (однако русского языка он так никогда и не усвоил).

Семнадцатилетним юношей Меркель поступил в канцелярию рижского магистрата, затем сменил еще несколько занятий, но более всего времени — 4 года — он провел в качестве домашнего учителя в семье сельского проповедника. Свои досуги он посвящал литературным и поэтическим опытам. Впоследствии из-под его пера вышел ряд романов, рассказов и стихотворений, но этой стороны деятельность мы не будем здесь касаться.

Живо тронутый бедственным положением окружавшего его латышского крепостного крестьянства Меркель в 1794—1795 гг. подготовил рукопись книги «Die Letten, vorzüglich in Liefland, am Ende des philosophischen Jahrhunderts» («Латыши, особенно в Лифляндии, в конце философского века»). В ней он подверг жесткой критике немецкую знать и протестантское духовенство Лифляндии, заявив о необходимости отмены крепостного права, а также введения законов, ограждающих интересы сельских жителей.

Весной 1796 г. Меркель отправился в Германию. В конце того же года в Лейпциге увидела свет его книга о латышах (с указанием на титуле «1797»). Он посвятил издание Лифляндскому, Эстляндскому и Литовскому генерал-губернатору князю Н. В. Репнину, которого просил быть для миллиона несчастных «заступником пред троном великой императрицы»¹. Однако это не избавило его от возмущения и ярости немецких баронов (позднее появились переводы «Латышей» на французский, датский, латышский и русский языки).

¹ *Merkel G. Die Letten, vorzüglich in Liefland, am Ende des philosophischen Jahrhunderts. Leipzig, 1797 (вне нумерации).*

В Лейпциге же, а потом в Йене Меркель изучал медицину, затем юридические науки и эстетику. В это время он перевел на немецкий язык и в 1797 г. издал рассуждения Ж.Ж. Руссо и Д. Юма: «Hume's und Rousseau's Abhandlungen über den Urvertrag, nebst einem Versuch über Leibeigenschaft, den Liefländischen Erbherrn gewidmet» («Трактат об общественном договоре Юма и Руссо применительно к опыту крепостного права среди лифляндских землевладельцев»).

Вскоре молодой человек переехал в Веймар, где ему довелось общаться с И. Г. Гердером, К. М. Виландом, Ф. Шиллером и И. В. Гёте. Осенью в 1797 г. Меркель принял было в Копенгагене должность секретаря датского министра финансов графа Э. Х. фон Шиммельмана, но уже в декабре того же года оставил ее и вернулся в Веймар. Там же в 1798 г. он издал «Supplement zu den Letten» («Дополнение к „Латышам“»), в котором весьма энергично ответил на обвинения, выдвинутые его книге.

Проведя в Веймаре два года, осенью 1799 г. Меркель перебрался в Берлин, а с 1801 г. некоторое время жил во Франкфурте-на-Одере, где в местном университете получил степень доктора философии и читал лекции по эстетике.

Вернувшись в столицу Пруссии, Меркель продолжил участие в полемике апологетов эстетики Просвещения (он принадлежал к их числу) и сторонников только формирующегося романтизма, которая все более разгоралась в периодической печати. Еще в свой первый приезд в Берлин, в 1800 г., Меркель начал и до 1803 г. продолжал издание моножурнала «Briefe an ein Frauenzimmer über die wichtigsten Producte der schönen Literatur» («Письма к одной женщине о важнейших произведениях изящной словесности в Германии»). В то же время Меркель заведовал научным и критическим отделами газеты «Berlinische Nachrichten» («Берлинские ведомости»), а затем, в 1803—1804 гг., он издавал еженедельный журнал «Ernst oder Schertz» («И в шутку и всерьез»). Однако признанным литературным критиком он так и не стал, и постепенно его интересы от словесности обратились к актуальным политическим событиям.

В ноябре 1804 г. Меркель стал соиздателем А. фон Коцебу, который еще годом ранее начал выпуск журнала «Der Freimüthige» («Откровенный»). Теперь вдвоем они печатали журнал «Der Freymüthige oder Ernst und Schertz» («Откровенный, или И в шутку и всерьез»). Это издание выступало против заключенного в интересах Наполеона Рейнского союза, объединившего большое число немецких княжеств. На его страницах Меркель вел смелую и страстную полемику со сторонниками союза из числа немцев. Добавим,

что в 1805 г. он обсуждал с И. фон Мюллером² план совместного выпуска в Берлине ежедневной патриотической газеты. Но ее издание так и не осуществилось из-за нерешительности его партнера. Тем не менее, ведя полемику по вопросам литературы и искусства в «Der Freymüthige oder Ernst und Schertz», Меркель продолжал побуждать прусское общество к развитию национального самосознания. Уже поэтому он являлся противником приближающегося мирового господства наполеоновской Франции. В итоге, в начале 1806 г. Меркель оказался в списке деятелей, нелояльных к французским властям.

В августе 1806 г. по приказу Наполеона был расстрелян нюрнбергский издатель И. Ф. Пальм, напечатавший книгу с призывом к сопротивлению французским оккупантам. И после того как в октябре того же года прусские войска потерпели поражение в битвах при Йене и Ауэрштедте, Меркель, дабы не повторить судьбу Пальма, срочно покинул Берлин и вернулся в Лифляндию.

Однако он продолжил пропаганду и агитацию против наполеоновской Франции. Для этого со 2 апреля 1807 г. Меркель начал выпускать в Риге «Supplimentblättern zum Freimüthigen» («Прибавление к „Откровенному“»), печать которого он был вынужден прекратить после 15 июня, в преддверии заключения Тильзитского мира. О столь недолгом периодическом издании Г. Дидерикс тем не менее писал, что в то время оно «было единственным немецким журналом, который осмеливался бороться с могущественным корсиканцем столь бесстрашным языком»³. После этого, в июле 1807 г., Меркель приступил к изданию газеты «Der Zuschauer» («Зритель»), которую он редактировал до 1831 г. включительно.

Во время Отечественной войны 1812 г. в Лифляндию вошел прусский вспомогательный корпус, находившийся в составе французской «Великой армии». В ноябре этого года Лифляндский, Курляндский, Эстляндский и Псковский генерал-губернатор маркиз Ф. О. Паулуччи, с ведома Александра I, вступил в тайную переписку с командующим корпусом генерал-лейтенантом И. Д. Л. Йорком⁴, чтобы склонить того к отказу от бое-

² Иоганн фон Мюллер (1752—1809) — церковный историк, библиотекарь, в 1807—1808 гг. куратор Геттингенского университета.

³ Diederichs H. Garlieb Merkel: Die Geschichte meiner liefländischen Zeitschriften // Baltische Monatschrift. Riga, 1898. Bd. 45. S. 187.

⁴ Иоганн Давид Людвиг Йорк фон Вартебург (1759—1830) — граф, прусский полководец, до 18 декабря 1812 г. служил в составе французских войск, затем, после заключения Таурогенской конвенции, его корпус стал придерживаться нейтралитета. После вступления в марте 1813 г. Пруссии в войну на стороне союзников, Йорк принимал активное участие в борьбе с Наполеоном.

вых действий. При этом генерал-губернатор поставил перед Меркелем задачу вести пропаганду среди прусских солдат и офицеров, дабы объяснить им: они воюют за чуждые их стране интересы. Автор мемуаров рассказывает, что, выполняя поручение, он использовал «то едкую пародию на мирового тирана, то настоятельный призыв к пруссакам отказаться от той подлой роли, которую он им навязал, и отомстить за несчастья их Отечества и смерть их убитой горем королевы, то холодную политическую риторичку»⁵.

Главным инструментом пропаганды в этом случае для Меркеля был его «Der Zuschauer», номера которого, по приказу Пауллуччи, доставляли по ночам на прусские передовые посты, а оттуда они расходились по подразделениям вспомогательного корпуса. Случалось, немецкие военные переправляли их в Берлин. Трудно оценить влияние этой газеты на то, что вскоре прусский корпус отказался от участия в войне. Если верить автору воспоминаний, Пауллуччи отзывался о «Зрителе» весьма высоко и говорил, что «Меркель стоит корпуса из двадцати тысяч солдат»⁶. Но позднее знаток истории войны 1812 г. К. А. Военский несколько скромнее рассматривал влияние Меркеля⁷. Так или иначе, вскоре прусский корпус численностью в 26 тысяч человек вышел из подчинения Наполеону.

Еще в 1812 г. Меркель начал, а в 1816 г. закончил издание серии брошюр под названием «Skizzen aus meinem Erinnerungsbuche» («Очерки из моей памяти»). В них он описал свои журналистские предприятия, отношения со современниками-литераторами и попытался оправдать собственную критику в адрес И. В. Гёте и полемику с ним. Спустя 20 лет те же цели он преследовал в более подробных «Событиях и характеристиках из моей жизни» (Darstellungen und Charakteristiken aus meinem Leben. Leipzig, 1839—1840. Bd. 1—2). Они содержат ценные материалы по истории немецкой литературы и социальной истории.

После освобождения Пруссии Меркель предпринял безуспешную попытку вернуть себе то литературное положение, которое занимал десятью годами ранее. Возвратившись в Берлин весной 1816 г., он сначала совместно с Ф. В. Губицем, а затем в одиночку выпускал журнал «Ernst und Scherz oder alte Freimüthige» («И в шутку и всерьез, или Старый „Откровенный“»). Однако публика осталась равнодушна к этому изданию и весной 1817 г.

⁵ Меркель Г. Настоящее издание. С. 343.

⁶ Меркель Г. Настоящее издание. С. 345.

⁷ Военский К. А. Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года. СПб., 1911. Т. 2: Балтийская окраина в 1812 году. С. XXXI.

Меркель, передав его редактирование Ю. фон Фоссу⁸, отправился в путешествие по Германии. О впечатлениях, вынесенных из этой поездки, он подробно рассказал в двухтомной книге «Über Deutschland, wie ich es nach einer zehnjährigen Entfernung wieder fand» («О Германии, какой я нашел ее десять лет спустя»).

Вернувшись после этого в Ригу, Меркель поселился недалеко от нее в имении Депкинсофе⁹. Он делил свое время между сельским хозяйством и журналистской деятельностью. В 1818 г. Меркель начал было издание нового журнала «Livländischer Merkur» («Лифляндский Меркурий»), но выпустил лишь четыре его номера и, после долгого разбирательства, в следующем году выход его был прекращен по решению цензуры¹⁰.

В 1820 г., уже после освобождения от крепостной зависимости крестьян трех прибалтийских губерний, Меркель подготовил и издал в Лейпциге книгу «Die Freie Letten und Esten» («Свободные латыши и эстонцы»), за которую Александр I назначил автору пожизненную пенсию.

До 1831 г. Меркель продолжал заниматься выпуском газеты «Der Zuschauer» (затем ее издателем стал В. Ф. Геккер). Еще прежде, в июле 1827 г., в его собственность перешел издававшийся и прежде еженедельник «Ostsee-Provinzen-Blatt» («Листок Остзейских провинций»), и с начала следующего года он преобразовал его в «Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland» («Провинциальный листок для Кур-, Лиф- и Эстляндии»), выходящий до конца 1838 г.

Гарлиб Меркель и Сергей Уваров: сотрудничество и вражда

На своем журналистском поприще Меркель дважды пусть и заочно сталкивался с С. С. Уваровым. В первый раз они являлись союзниками. Произошло это во время Отечественной войны 1812 г., когда попечитель Санкт-Петербургского учебного округа Уваров стал организатором ряда частных периодических изданий, предназначенных для ведения антинаполеоновской пропаганды на русском и немецком языках (это были: «Сын Отечества» Н. И. Греча, «Der Patriot» («Патриот») Ф.Э. фон Шрёдера, «Der

⁸ Юлиус фон Фосс (1768—1832) — немецкий литератор, переводчик и издатель, являлся соиздателем журнала «Der Freimüthige».

⁹ Имение Депкина (Депкина муйжа) в Рамаве у Катлакалнса. См.: Пухляк О. Н. 1812 год в Латвии: легендарные имена и памятные места. Рига, 2012. С. 107.

¹⁰ Исаков С. Г. Русская культура и литература на страницах некоторых немецких прибалтийских периодических изданий 1810—1830х гг. // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1973. Труды по русской и славянской филологии, XXI: Литературоведение. С. 393.

Russische Invalide, oder die Kriegs-Zeitung» («Русский инвалид, или Военная газета») и ее русской версии — «Русский инвалид» П. В. фон Помиана де Пезаровиуса¹¹). Уваров же в 1813 г. стал неофициальным соредактором и одним из авторов газеты на французском языке «Conservateur impartial» («Беспристрастный консерватор»), издавшейся на средства Министерства иностранных дел под официальным руководством Г. Т. фон Фабера¹².

Важно отметить: из пяти названных газет две выходили на немецком языке, и изначально все их редактировали российские подданные немецкого происхождения¹³. Такое важное значение власть придавала немецкому дворянству как своему надежному оплоту (тем более что в придворных кругах тогда сильна была так называемая немецкая партия).

Такую же пропаганду, но в Лифляндии, то есть вблизи с театром военных действий, вел, как уже было отмечено, Меркель в своей газете «Der Zuschauer». Помимо этого, он явился автором нескольких широко распространенных тогда воззваний, обращенных к российским подданным. Они печатались по-немецки и в русском переводе, отдельными изданиями и в составе журналов «Вестник Европы» и «Сын Отечества»¹⁴. Уже поэтому он не мог остаться незамеченным попечителем Санкт-Петербургского учебного округа.

Наконец, именно Меркель перевел на немецкий язык и издал в Риге французскую брошюру С. С. Уварова «Éloge funèbre du general Moreau» («Надгробное слово генералу Моро»). В ней прославлялся французский генерал Ж. В. Моро, противник Наполеона, смертельно раненный в битве под

¹¹ Сироткин В. Г. Русская пресса первой четверти XIX века на иностранных языках как исторический источник // История СССР. 1976. № 4. С. 87—91; *Его же*. Наполеоновская «война перьев» против России // Новая и новейшая история. 1981. № 1. С. 142—143.

¹² Сироткин В. Г. Русская пресса первой четверти XIX века на иностранных языках ... С. 89—90; *Его же*. Наполеоновская «война перьев» против России ... С. 143; Майофис М. Л. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815—1818 годов. М., 2008. С. 630—655.

¹³ Ряд этих изданий можно дополнить печатавшимися за пределами столицы газетами «Moskowsische Zeitung» («Московская газета»), «Россиянин» («Der Russe») и «Russische-deutsches Volksblatt» («Русско-немецкий народный листок»). Первая из них выходила в Москве до конца августа 1812 г. Вторая — выпускалась в полевой типографии 1-й Западной армии на русском и немецком языках параллельно А. С. Кайсаровым и В. Э. Рамбахом. Третья — издавалась в Берлине А. фон Коцебу.

¹⁴ Эти воззвания составили издание: *Merkel G. Aufsätze während des Krieges geschrieben*. Riga, 1813. Heft. 1—3.

Дрезденом, когда находился в свите Александр I¹⁵. Русский император придавал особое значение фигуре этого выдающегося полководца, союзника России, и принял участие в многочасовой церемонии его похороны в столичном католическом храме Св. Екатерины. Организация траурной церемонии была поручена именно Уварову¹⁶. Власти стремились и далее использовать пример Моро для пропаганды борьбы с Наполеоном. Поэтому посвященные ему брошюры были переведены и изданы на нескольких языках. Сам автор, попечитель учебного округа, как только получил отпечатанный немецкий перевод, 17 февраля 1814 г. один его экземпляр отправил И. В. Гёте¹⁷, с которым он состоял в длительной переписке.

Снова пути Меркеля и Уварова пересеклись свыше 20 лет спустя, когда первый из них являлся издателем и редактором рижской газеты «Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland», а второй с 1833 г. стал министром народного просвещения и в силу этой должности — председателем Главного управления цензуры.

В мае 1838 г. «St.Petersburgische Zeitung» («Санкт-Петербургская газета») перепечатала сообщение, прежде помещенное в газете «Provinzialblatt», о том, что в Ревеле католический священник якобы отлучил прихожанина от Церкви за то, что тот женился на протестантке. Уваров, сразу заподозрив ложность этого известия, инициировал его проверку. После этого он обратил пристальное внимание на издание Меркеля и не мог не увидеть, что оно поддерживает его противников — остзейских дворян, упорно сопротивляющихся введению преподавания русского языка в учреждениях Дерптского учебного округа. Подчеркнем: речь шла не об отмене преподавания на немецком языке, повсеместно принятого в Остзейских губерниях, а лишь о том, чтобы обеспечить знание русского языка профессорами и студентами

¹⁵ *Feier-Rede auf Moreau*. Riga, 1814. Отметим, что, вероятно, из-за трудностей чтения готического шрифта у исследователей возникли ошибки в передаче названия брошюры. У Ц. Х. Виттекер оно выглядит как «Freig Rede auf Moreau» (*Bumteker Ц. Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999. С. 291), а у В. Г. Сироткина как «Trauerrede auf Moreau». Последний указывал, что Меркель также перевел эту брошюру на латышский язык (*Сироткин В. Г.* Русская пресса первой четверти XIX века на иностранных языках ... С. 89). Однако сведений о латышском издании нам не удалось обнаружить, в том числе и в библиографическом указателе (*Missinsch J.* Latweeschu Rakstneezibas Rahditajs (1525—1910). Riga, 1924. Merkels G. H. № 70009—70013).

¹⁶ *Bumteker Ц. Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999. С. 291.

¹⁷ *Schmid G.* Goethe und Uwarow und ihr Brifwechsel // *Russische Revue*. 1888. Bd. 28, № 17. P. 150.

округа¹⁸. Однако и эти намерения министра встретили отпор, организованный остзейскими баронами и их покровителями из придворной «немецкой партии». «Provinzialblatt», же, поддерживая остзейское дворянство, нередко рассуждала об образовании в Прибалтийском крае так, словно, речь шла о германской окраине.

Подобные публикации не могли не возмутить министра, но, обращаясь к императору, он должен был камуфлировать подлинные причины возмущения, чтобы столкновение с прибалтийской газетой не воспринималось монархом как вызванное «партийными» или личными мотивами. Уваров обвинил издателя газеты в том, что он «старается особенно посеять несогласия между религиозными партиями в Остзейских губерниях и вооружать университетское юношество против мер, которые принимаются к водворению между оным благочиния»¹⁹.

Настоящей причины не осознал и сам Меркель, но — обратим внимание — в мемуарах он отмечает, что по приезде в Ригу зимой 1837/1838 гг. Уваров «снискал общее презрение своим удивившим всех распоряжением»²⁰. Вероятнее всего, автор имел в виду обнародованные предыдущей зимой указания о том, что вскоре без знания русского языка нельзя будет стать учителем в гимназии или училище округа, а затем — и студентом Дерптского университета.

Раздражение Уварова Меркелем должно было усиливать то, что из «Provinzialblatt» черпали информацию другие прибалтийские, а главное — русские периодические издания и, в первую очередь, враждебные министру — издававшиеся Ф. В. Булгариным и Н. И. Гречем «Северная пчела» и «Сын Отечества»²¹. Собрав информацию об издании Меркеля и заручившись поддержкой необходимых инстанций, Уваров 12 декабря 1838 г. представил Николаю I докладную записку, в которой указал на нарушения, допущенные еженедельником, и заявил: «К обузданию злонамеренности не остается никакого другого средства, как прекращение газеты»²². И император согласился на предложение министра²³.

¹⁸ См.: Шевченко М. М. Записка 1841 года об Остзейском крае из архива графа С. С. Уварова // Величие и язвы Российской Империи : Междунар. науч. сб. в честь 50-летия О. Р. Айрапетова / сост. В. Б. Каширин. М., 2012. С. 127—134.

¹⁹ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1126. Л. 24 об.—25.

²⁰ Меркель Г. Настоящее издание. С. 363.

²¹ Исаков С. Г. Русская культура и литература на страницах некоторых немецких прибалтийских периодических изданий 1810—1830-х гг. С. 392.

²² РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1126. Л. 26 об.

²³ Подробнее история прекращения издания представлена: Бадалян Д. А., Фафулин Г. А. Министр народного просвещения С. С. Уваров и закрытие газеты

Для Уварова оказалось весьма удобным то, что финал истории с «Provinzialblatt» совпал с окончанием календарного года (а, быть может, он специально так подгадал сроки принимаемых мер?). Это давало надежду избавиться от издания без привлечения лишнего внимания, словно оно прекратило выход само по себе, как нередко случалось с другими газетами и журналами. Точно так же, двумя годами ранее, он, пытаясь купировать уже вспыхнувший скандал с журналом «Телескоп», предлагал императору прекратить его выход с начала следующего 1837 г.²⁴

Отметим, что помимо прекращения газеты «Provinzialblatt» ее издатель не понес никаких наказаний. Что же сделал Меркель в сложившейся ситуации? Он поступил как ни до него, ни после не делал, пожалуй, ни один русский издатель.

Уже 4 января 1839 г. Меркель подписал прошение к Николаю I о разрешении ему выпуска нового издания на немецком языке под названием «Das Baltische Landblatt» («Балтийская сельскохозяйственная газета»). В мемуарах он говорит о неоднократных своих обращениях к императору, но, вероятно, именно к этому случаю относится упомянутая им помощь министра финансов графа Е. Ф. Канкрин, который прислал Меркелю образец для составления прошения²⁵. Возможно, через этого же министра подписанная бумага была передана Н. М. Лонгинову, статс-секретарю «у принятия прошений на высочайшее имя приносимых». 28 февраля прошение было направлено Лонгиновым к министру народного просвещения²⁶, в чьем ведомстве и надлежало рассматривать вопросы о разрешении новых журналов и газет (однако с 1836 г. любые новые периодические издания должны были получать санкцию императора²⁷).

Пока это «всеподданнейшее прошение» шло к Уварову, он получил другое прошение Меркеля, подписанное 27 января и адресованное непосредственно ему. Недавний редактор, напоминая о своих заслугах, связанных

«Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland» // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. СПб., 2020. Т. 220. С. 95—105.

²⁴ С. С. Уваров — Николаю I от 20 октября 1836 г. // Чаадаев П. Я. Избранные труды / сост., авт. вступ. ст. и коммент. М. Б. Велижев. М., 2010. С. 512, 515. В этот момент министр писал императору о наказании одного лишь цензора и даже не упоминал издателя журнала. Однако громкий резонанс был нужен противникам издания, в первую очередь Бенкендорфу, и тот убедил императора в необходимости его немедленного закрытия.

²⁵ Меркель Г. Настоящее издание. С. 364.

²⁶ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1166. Л. 8.

²⁷ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 227.

с событиями 1812—1813 гг., отметил, что явился переводчиком брошюры Уварова «Éloge funèbre du general Mogeau». Меркель просил министра народного просвещения о «вознаграждении его за прекращение газеты „Provinzialblatt“». Тот передал его просьбу на рассмотрение Главного управления цензуры. В ходе заседания, состоявшегося 6 февраля, Главное управление признало, что «ни в существующих постановлениях, ни в бывших доселе примерах нет никакого законного основания к назначению г. Меркелю просимого вознаграждения, ибо позволение издавать повременные сочинения не дает никому права неотъемлемой собственности на оное, и правительству, признав за нужное прекратить дальнейшее существование такого издания, не обязывается ни к какому вознаграждению»²⁸.

Уже через два дня после этого, 9 февраля, граф Канкрин вступился за издателя, который, как он писал Уварову, «прекращением его журнала приведен в весьма затруднительные обстоятельства». Министр финансов просил для Меркеля «пособие на уплату долгов, наприм[ер,] 8 т[ысяч] рублей, тем более, что лета не позволяют уже ему начать что-либо трудное и новое»²⁹.

Характерно, что Канкрин даже не утверждал, что он лично знает Меркеля. Он объяснял: «предстательствовать» за него просят «некоторые уважительные лица»³⁰, то есть оказывал ему протекцию в силу обычной для того времени этнокорпоративной солидарности.

Министр народного просвещения, отвечая Канкрину, сослался на заключение Главного управления цензуры. По поводу заслуг Меркеля в «перемене положения» прибалтийских крестьян, в улучшении «хлебопашества и разных родов промышленности», о которых упоминал министр финансов, Уваров заявил, что они его Министерству не известны. В заключение же министр добавил: «Ежели бы вашему сиятельству угодно было исходатай-

ствовать за сие г. Меркелю какое-либо возмещение, то с моей стороны не нахожу к тому препятствий»³¹.

Когда 1 марта «всеподданнейшее прошение» Меркеля было передано через Лонгинова в Министерство народного просвещения, оно, в соответствии с обычной процедурой, поступило на рассмотрение Главного управления цензуры. В этом прошении Меркель ссылался на трудности своего финансового положения и заслуги, о которых уже пытался напомнить Канкрин. Однако, как и следовало ожидать, Главное управление приняло позицию министра.

30 марта Уваров, обращаясь к Николаю I по поводу просьбы Меркеля, разъяснял: «Неблагонамеренное направление, какое старался он дать своему изданию, заставляют Главное управление цензуры опасаться, что и новая газета „Das Baltische Landblatt“ будет издаваться в новом же неблагоприятном для правительства духе. Оно находит тем более оснований к сим опасениям, что доктор Меркель во всеподданнейшем прошении изъявляет намерение стремиться в новых формах к достижению прежних целей»³².

Здесь же Уваров добавлял, что в отношении пособия Меркелю «по уважению прежних его заслуг, недостаточного его состояния и преклонных лет» Главное управление «не позволяет себе никакого с своей стороны заключения», лишь передавая императору то, на чем основал свою просьбу бывший издатель³³.

Из пометы на тексте доклада «Государь император изволил читать», можно предположить, что сразу же по его прочтении Николай I не принял никакого решения. Однако уже 3 апреля Уваров сообщил Лифляндскому гражданскому губернатору барону Е. Ф. фон Фелькерзаму, что «высочайшего соизволения» на просьбу Меркеля не последовало³⁴.

Меркель и после того как получил это известие не оставил попыток добиться своего. 19 апреля он подписал новое прошение на имя императора. На сей раз он просил «о вознаграждении его за понесенные им убытки от прекращения издания <...> или о ссуде ему на 10 лет без процентов 6 т[ысяч] р[ублей] ассигнациями»³⁵.

Спустя два месяца, 19 июня, Уваров доложил императору о прошении Меркеля и своем отношении к нему. И на этом докладе осталась помета:

²⁸ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1166. Л. 3—3 об.

²⁹ В мемуарах Меркель указывал, что неоднократно его обращения к императору вызваны тем, что он «потерял половину своего состояния» (Меркель Г. Настоящее издание. С. 364). Однако там же он сообщал, что со второго года издания «Provinzialblatt» имел «чистый доход в тысячу рублей серебром» и такой же доход продолжал получать далее (Там же. С. 357, 362). Поэтому весьма сомнительно выглядят слова Канкрин о долгах Меркеля, якобы составлявших около 8 тысяч рублей. Не будем сбрасывать со счетов и то, что по указанию Александра I Меркель получал пенсию, составлявшую 300 рублей серебром (Орлов А. А. Меркель // Новая иллюстрированная электронная энциклопедия немцев в России. URL: <https://enc.rusdeutsch.ru/articles/5735>) (дата обращения: 21.01.2021).

³⁰ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1166. Л. 4—4 об.

³¹ Там же. Л. 6.

³² Там же. Л. 14—14 об.

³³ Там же. Л. 14 об.—15.

³⁴ Там же. Л. 16.

³⁵ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1236. Л. 2—2 об.

«Государь Император изволил принять к сведению»³⁶. После этого, 21 июня, Уваров сообщил Лонгинову, что прошение Меркеля о вознаграждении за закрытие «*Provinzialblatt*» уже подавалось им и было признано Главным управлением цензуры не имеющим законного основания, и лифляндский гражданский губернатор должен был объявить о том Меркелю³⁷.

Наконец, спустя три месяца имя лифляндского литератора снова появилось в переписке Уварова. 18 сентября главный начальник III отделения А. Х. Бенкендорф обратился к министру народного просвещения с отношением, в котором указал на «предосудительное содержание» книги Меркеля, пропущенной иностранной цензурой. Речь шла о поступившем в книжные лавки издания 1808 г. «*Erzählende Schriften*» («*Рассказы*»), где содержались критические отзывы об императрице Елизавете Петровне. И вскоре эта книга Меркеля была запрещена³⁸.

Надо знать, что Бенкендорф являлся одним из главных деятелей и защитников интересов «немецкой партии». Однако в данной ситуации он, вероятно, посчитал Меркеля фигурой, слишком дискредитированной в глазах императора и годной лишь для мелкого укола Уварову за «упущение» в цензуре. К тому же еще Г. Дидерикс в 1898 г. признавал, что газета Меркеля с ее «космополитизмом, противоречащим истории, находила одобрение только в кругах, воздававших должное старому Просвещению» и подчеркивал: «Если бы не внезапный конец, положенный ей извне, „*Provinzialblatt*“ не смогла бы долго устоять против „*Inland*“»³⁹, то есть «Внутренней жизни», другой рижской газеты, конкурировавшей с изданием Меркеля.

Впрочем, можно предположить, что иной, более болезненный укол, который министр просвещения получил в марте 1839 г., явился ответом «немецкой партии» на его действия в отношении «*Provinzialblatt*». Тогда, как вспоминал К. И. Фишер, «Государь приказал графу Бенкендорфу написать Уварову, что его величество крайне недоволен направлением журналистики и не может не приписать этого невнимательности министра»⁴⁰.

«*Provinzialblatt*» стало последним изданием, с которым Меркель выступал в качестве редактора и издателя. Оставшиеся 12 лет жизни он провел, занимаясь хозяйством в своем имении Депкинсоффе. Время от времени он

печатал статьи в рижских, петербургских и иных периодических изданиях, а также работал над литературными записками.

Очерк Меркеля «История моих лифляндских периодических изданий» публикуется в переводе с немецкого текста⁴¹, впервые напечатанного Г. Дидериксом по авторской рукописи, как указал издатель «без каких-либо изменений, только с некоторыми необходимыми пропусками»⁴². Местонахождение рукописи в настоящее время авторам точно неизвестно. Возможно, она хранится в Латвийском государственном историческом архиве в фонде 7351 (Меркель Г. Оп. 1. Д. 1).

Стоит отметить, что в научной литературе не сложилось единой устойчивой традиции перевода названий периодических изданий Меркеля на русский язык. Так, название журнала «*Der Freimüthige*» А. Черпинска и Э. О. Цеске переводит как «Откровенный», а В. И. Кулешов — как «Чистосердечный»; название «*Der Zuschauer*» Э. О. Цеске переводит как «Обозреватель», Е. В. Земскова — как «Наблюдатель», С. Г. Исаков и А. Черпинска — как «Зритель», а составители «Сводного каталога сериальных изданий России» использовали название «Рижский зритель» (по-видимому, чтобы отличить меркелевский «*Der Zuschauer*» от петербургского «Зрителя», лондонского «*Spectator*» и парижского «*Spectateur français*»)⁴³.

В данном случае мы считаем «Зритель» наиболее адекватным термином для перевода. Название же журнала «*Ernst und Scherz*» следует, на наш взгляд, переводить не «Серьезность или шутка» (как делает, например, А. Черпинска), а устойчивым русским словосочетанием «И в шутку и всерьез». Наконец, название первого журнала Меркеля «*Briefe an ein Frauenzimmer*

⁴¹ *Merkel G.* Die Geschichte meiner liefländischen Zeitschriften // *Baltische Monatsschrift*. Riga, 1898. Bd. 45, № 3. S. 190—210; № 4. S. 281—303.

⁴² *Diederichs H.* Garlieb Merkel: Die Geschichte meiner liefländischen Zeitschriften. S. 190.

⁴³ *Цеске Э. О.* Антинаполеоновская пропаганда прибалтийских немцев (1806—1815 гг.) // Война 1812 года: события, судьбы, память: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 17—18 мая 2012 г. Витебск, 2012. С. 25, 26; *Кулешов В. И.* Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина). М., 1977. С. 19, 80; *Земскова Е. Е.* Русская рецепция немецких представлений о нации в конце XVIII — начале XIX века: дис. ... канд. филол. наук / Рос. гос. гуманитар. унт. Москва, 2001. С. 143; *Исаков С. Г.* Русская культура и литература на страницах некоторых немецких прибалтийских периодических изданий 1810—1830-х гг. ... С. 393; *Черпинска А.* Образ врага в публицистике Гарлиба Меркеля периода войны 1812 г. // *Французский ежегодник*. М., 2012. С. 384; *Сводный каталог сериальных изданий России (1801—1825)*. СПб., 1997. Т. 1: Журналы (А—Б). С. 818.

³⁶ Там же. Л. 5.

³⁷ Там же. Л. 7—7 об.

³⁸ РГИА. Ф. 772 Оп. 1 Д. 1260. Л. 1—4.

³⁹ *Diederichs H.* Garlieb Merkel: Die Geschichte meiner liefländischen Zeitschriften. S. 188.

⁴⁰ *Фишер К. И.* Записки сенатора. М., 2008. С. 261.

über die wichtigsten Producte der schönen Literatur» А. Черпинска переводит как «Письма к даме о важнейших произведениях прекрасной литературы»⁴⁴; мы же считаем более корректным «Письма к одной женщине о важнейших произведениях изящной словесности» (ведь Frauenzimmer — это простая женщина, домохозяйка).

Оговорить эти разночтения мы посчитали нужным, чтобы предостеречь исследователей от возможных ошибок и путаницы названий.

История моих лифляндских периодических изданий — не только значительная часть моей собственной биографии. Она характерна и для минувшей эпохи в России, и именно поэтому я хотел бы ее рассказать. Без домыслов, *sine ira et studio*^{*}, я буду излагать одни факты настолько хладнокровно и правдиво, насколько это возможно.

Когда в 1806 г. я бежал от Наполеона из Берлина в Лифляндию из-за вполне заслуженных мною гонений против «Откровенного» («Der Freimüthige»), я провел несколько месяцев отчасти в Риге, отчасти в Митаве¹ в невыносимом бездействии. Желая покончить с ним, я вместе с местным чиновником Шлиппенбахом² в феврале 1807 г. поехал в Петербург в надежде найти там приличествующее мне занятие. Мне хотелось получить официальное назначение для борьбы с легкомысленно-хващливыми публикациями и враждебной ложью бонапартистских газет. Я с тем большей уверенностью уповал на такое разрешение, что мой «Откровенный» была единственной газетой в Германии, принявшей на себя эту миссию³, а в России в то время не было ни одного издания, рассматривающего политические вопросы, ни на русском, ни на немецком, ни на французском языке⁴.

Лучше всего для успеха моего предприятия было бы выразить свое почтение министру иностранных дел и передать ему памятную записку; но это был лифляндский дворянин генерал Будберг, и я вынужден был видеть в нем своего естественного врага⁵.

Действительный статский советник фон Бек⁶, мой друг детства, познакомил меня с действительным тайным советником Дивовым⁷, весьма важным государственным чиновником, и он не только очень любезно принял меня, но и, когда я поделился с ним своими мыслями, немедленно предложил представить и рекомендовать меня министру⁸. Когда я подошел к его столу на следующий день, он сразу же принял меня со словами: министр заявил, что в моих услугах не нуждаются, потому что я «плохо отзывался

о Деве Марии в одном из своих сочинений». Я громко рассмеялся, но в то же время был весьма удивлен. Я не мог вспомнить, что когда-либо говорил о Богоматери. Я сказал об этом Дивову и объяснил, что напишу министру, чтобы оправдаться. «Напишите, — воскликнул он, — а я сам передам ему письмо». Так мы и сделали. Но на следующий день Дивов сказал: «Он сильно покраснел, когда прочитал, но это не помогло».

Несколько дней спустя на обеде, устроенном саксонским послом графом Эйнзиделем⁹, рядом со мной сидел человек с отвратительной физиономией, которого я не знал. Но он знал меня, кажется, очень хорошо. Заведя со мной разговор, он произнес неприятные мне слова, что я вряд ли могу надеяться получить разрешение на издание в Петербурге. К сожалению, с моей обычной горячностью я ответил: «Я приехал не для того, чтобы просить услуги, а для оказания услуг. Если вы откажетесь от них, я могу вернуться». Когда я рассказал Беку об этом инциденте, он пожалел о том, что у меня вспыхнуло чувство собственного достоинства, и попросил описать этого человека. Он, казалось, узнал его, но не назвал, а несколько раз прошелся взад и вперед и сказал: «Да, теперь я сам советую вам больше не искать здесь чего-либо». Я ответил, что хочу вернуться в Ригу и осуществить там свой план без разрешения, на свой страх и риск. Он согласился, что ничего другого мне не остается. Поддержав мои намерения, Бек предложил посодействовать с продажей моей газеты в Петербурге. Он даже сказал, что легко будет получить распоряжение для властей в прибалтийских провинциях, чтобы они этому поспособствовали. Но я надеялся, что мне это не понадобится и не согласился.

По возвращении я начал редактировать в Риге «Прибавление к „Откровенному“» («Supplementblätter zum Freimüthigen»). Цена была очень высокой, полтора Альбертова талера¹⁰ в месяц (при трех номерах в неделю). Продажи были настолько высокими, что издатель платил мне 18 Альбертовых талеров, т. е. около 9 дукатов, за каждый выпуск, составляющий половину листа в квартал. Это была, конечно, первая с рассуждениями о политике газета из когда-либо издававшихся в России, так же, как и «Откровенный» («Der Freimüthige») в Германии¹¹. Я с энтузиазмом заполнял его текстами и даже получил награду: Ее Величество, Королева Пруссии¹², через полковника Мальцана¹³ поблагодарила меня как «последний голос Германии». И надворный советник Гофман¹⁴, который в качестве апостола Тугендбунда¹⁵ колесил по Германии, сказал мне в Берлине в 1817 г., что всегда брал мои газеты в разъезды.

Последний номер газеты появился в день битвы при Фриланде¹⁶. Во время последовавших вслед за тем переговоров о мире было бы опрочетливо и, возможно, даже непозволительно продолжать писать. После заклю-

⁴⁴ Черпинска А. Образ врага в публицистике Гарлиба Меркеля периода войны 1812 г. ... С. 383.

* Без гнева и пристрастия (лат.).

чения мира мой близкий друг, занимавший в Петербурге важное положение в министерстве иностранных дел, написал, что мне не следует бежать в Англию. Я увидел в письме совет поступить именно так, но ответил: я отстаиваю славу и интересы России под законной цензурой в том же тоне, в котором парижские газеты нападали на обе страны. И в соответствии с принципом *Nil conscire sibi, nulla pallescere culpa, hic murus aheneus** я защищаю честь моего Отечества.

Мне не хотелось покидать Ригу. До меня из Петербурга доходили новости, из которых было ясно, что Наполеон желает моей выдачи или наказания; однако я не только остался в Риге, но и через четыре недели после заключения мира¹⁷ начал издавать новую политическую газету, без каких-либо дополнительных уведомлений, кроме того, она была отправлена подписчикам «Прибавления»¹⁸. Я действительно не ошибался, полагая, что люди в самых высоких сферах не только не сердятся на меня за мои газеты и приложения, но даже благодарят, поэтому на моем пути не только не было препятствий, но я даже чувствовал молчаливое одобрение.

Губернатор Лифляндии фон Рихтер¹⁹ не заказывал мне никаких материалов явно потому, что был моим личным врагом. На вечеринке в честь основания купеческого клуба он поинтересовался, здесь ли я, и, узнав, что нет, он поручил моему брату, советнику, передать мне, чтобы я наведался к нему. Когда я пришел на следующий день, он предложил мне возглавить «Рижскую политическую газету» («Die Rigaische politische Zeitung»)²⁰ и добавил: если я сочту нужным, он готов запретить к ввозу все заграничные политические газеты.

Я отказался от первого и не одобрил второго, поскольку «Рижская политическая газета» является собственностью местного типографа²¹, и мне бы не хотелось, чтобы в моем родном городе существовали такие изощренные ограничения. Просто я хотел, чтобы с новой газетой, которую я выпускаю, мне не чинили бы никаких препятствий. Он обещал сделать все, что зависело от него, но существовала еще цензура Дерптского университета²². Все его поведение показывало, что он преследовал другую, более важную задачу. При этом он старался действовать неофициально, поскольку иначе его поведение выглядело бы как поощрение язвительных нападок на Наполеона.

Между прочим, «Рижская газета» («Die Rigaische Zeitung») при ее создании не казалась мне конкурентом, которого следовало опасаться. Особенно учитывая направление, которое я определил для своей газеты. Некий господин Цахариз (младший брат известного поэта, автора «Кота-Мурлыки в преисподней», «Хвастуна» и т. д.²³) выпускал ее, кажется, целых тридцать лет,

* Не делать ничего такого, за что потом пришлось бы краснеть (*лат.*).

в скучной манере, в которой еще можно было издавать в то время. В ней не имелось ничего, кроме статей, перепечатанных из двух немецких газет, и интересна она была лишь тем, что сообщала об иностранцах, которые прибывали в Ригу. А любой, кто хотел выехать, должен был сообщить об этом за три дня, если не имел поручителей за его долги. В то время я мог бы стать ее владельцем без труда. Когда же я лет через пятнадцать пожелал взять ее в свои руки, новые владельцы заявили, что имеют на нее исключительное право.

Когда Цахариз стал слишком стар даже для легкой работы по сбору материалов, газета из печатни Мюллера была продана за несколько сотен талеров — сумму, равную годовому доходу от нее. Последний заключил договор с властями, в соответствии с которым бесплатно публиковал разрешения на деятельность купцам и ремесленникам, но получил право издавать «Листок объявлений» («Intelligenzblatt»), основанный советником Беренсом²⁴, который принес ему немалую прибыль. В распоряжении российского правительства говорилось: «Рижская газета» — оповещательная, и когда я перепечатывал из нее некоторые статьи, Мюллер возмущался, настаивая, что правительство исключительно ему предоставило «Рижский городской листок» («Rigaische Stadtblätter») и «Листок объявлений». И маркиз Паулуччи, генерал-губернатор, мой добрый покровитель, соглашался с ним. Если бы, когда губернатор Рихтер предложил мне газету, я знал, что после моего отказа ее получит Мюллер, я бы взялся за нее. Позднее она стала слишком дорогой, чтобы ее выкупить. Во всяком случае, из-за обостренного чувства справедливости я поспешил с решением. Я должен был попросить несколько дней, чтобы все обдумать и навести справки. Все эти события отражают отношение тогдашних властей к собственности на периодические издания.

Мое «Прибавление» должно было закрыться 30-м номером 15 июня. 16 июля 1807 г. вышел первый номер моей новой газеты: «Зритель» («Der Zuschauer»).

Я дал ему девиз «Sapere aude!»* для обозначения высокого духовного настроения, с которым мыслящая публика должна была тогда более чем когда-либо следить за ходом событий. Чтобы указать, что новую газету от «Прибавления» будет отличать только тон, а не характер статей, я начал с предварительного замечания, первая строка которого гласила: «Deus nobis otia fecit Deus nobis haec otia fecit»**, и которое доказывает, что современный журналист должен соответствовать требованиям правительства.

* Осмелюсь быть мудрым! (*лат.*) — крылатое выражение из «Посланий» Горация (I, 2, 40—41).

** Бог даровал нам эти досуги (*лат.*) — крылатое выражение из «Буколик» Вергилия (I, 6—10).

Соответственно, я самым уважительным образом говорил о Наполеоне и его правительстве, но я преподносил новости об их деяниях таким образом, чтобы тиранический и ненавистный дух их был очевиден без единого слова осуждения. Зонтаг однажды сказал, что я диктую читателям мысли, не произнося их.

Сам я называл эту процедуру виртуозным танцем. Доказательством того, что проделывал я его весьма ловко — отсутствие каких-либо жалоб от французского посольства в Петербурге, и то, что господин Оберлен²⁵ (который в 1811 г. приехал из Страсбурга прямо в Лифляндию якобы, чтобы занять место гувернера, но на самом деле в качестве политического соглядатая), попросил моего старшего брата предупредить меня и напомнить о судьбе советника Беккера в Готе. Тот был арестован французами в 1806 г. и несколько лет провел в крепости²⁶. В опубликованных им позже воспоминаниях говорится, что одной из главных причин его неоднократных допросов было письмо, в котором фигурировало мое имя. Предупреждение г-на Оберлена оказалось не пустыми словами: едва французский армейский корпус двинулся в Курляндию в 1812 г., как сначала прусский отряд, а десятью днями позже баварский отряд появлялись на ночевке в моем загородном имении на улице Баускас²⁷ и, ничего другого не предприняв, на следующее утро уходили.

История газеты «Зритель», условия, в которых она существовала, кажутся мне характерными для состояния печати в России и, особенно, в Лифляндии. Об этом я и хочу здесь рассказать.

Изначально я придумал «Зрителю» ту же форму, которую придумал для «Откровенного» летом 1803 г., и которая вскоре была скопирована «Светской газетой» («*Zeitung für die Elegante Welt*»)²⁸, ставшей с тех пор самой популярной из всех развлекательных газет Германии. Каждый выпуск я начинал с исторического, литературного или художественного очерка, а затем на последних страницах я добавлял краткое политическое обозрение, часто с комментариями, которые набирали более мелким шрифтом. Вскоре, однако, я заметил, что эта форма неприменима к политической газете, особенно в стране, где читающей публики крайне мало. Политическая газета должна стремиться заинтересовать все слои читателей. И большинство воспринимает ее лишь средством как можно быстрее получать обширные и разнообразные новости.

Чтобы улучшить дело, я пошел на издержки, сам стал издателем, выписал несколько парижских газет, чтобы опередить «Берлинские ведомости» («*Berlinische Nachrichten von Staats-und gelehrten Sachen*»)²⁹ и «Гамбургские политические ведомости» («*Hamburger Politisches Journal*»)³⁰ в сообще-

нии новостей из Франции, заказал по газете из Лондона и из Голландии, а также другие самые интересные издания из политически важных городов Германии. Кроме того, я предоставил рижскому почтмейстеру, статскому советнику В.³¹ значительную скидку на каждый заказ³², чтобы он давал мне просмотреть газеты, которые я не выписывал, но которые приходили к другим подписчикам. И также он сообщал мне все не попадавшие в печать политические новости, о которых узнавал из заграничных писем. Он распечатывал их, согласно официальному на то разрешению. Да он этого и не скрывал. Каждый день почта приносила мне несколько полезных номеров из более чем двадцати газет и нескольких развлекательных газеток, включая местные — это почти все те издания, которые я учитывал и за которыми следил. Мне не хватало места для перепечаток из них, так как в моем распоряжении было всего три листа в неделю. Поэтому я брал только основные публикации, добавлял какой-то комментарий и фактически сам составлял всю газету. Поскольку я без оглядки на кого-либо оглашал только свои взгляды и суждения, то моя газета была первым примером независимого политического голоса в России, началом настоящей публицистики³³, а также — попыткой конкурировать с зарубежными периодическими изданиями.

Оба этих обстоятельства сопутствовали удаче «Зрителя» и ажиотажу вокруг него. Его читали не только в глубине России — в Оренбурге и Тобольске, а особенно в Петербурге, где ее читал император, как мне о том рассказывали. Следствием этого можно считать различные события, в которых я узнавал влияние моих патриотических суждений. Один министр интересовался у почтмейстера В., откуда я получаю такие свежие и достоверные новости. Другой министр, Козодавлев³⁴, приехавший в Ригу в 1814 г., попросил меня зайти к нему и наговорил мне множество приятных вещей, а в доказательство своего расположения предложил мне все отчеты о Библейском обществе³⁵, которые он напечатал, перевести и отправить мне. В самом деле, директор его канцелярии³⁶ целый год еженедельно слал мне по печатному листу своих писаний, которые я, правда, никогда не использовал, даже не читал. Мне важно было сохранить газету, служащую рупором власти, но политическую и общественную, какой ранее не было.

Тогда же Дивов учредил, Фабер³⁷ редактировал, или, скорее, заполнял текстами на французском языке газету, которая называлась «Беспристрастный консерватор» («*Le Conservateur impartial*»)³⁸. Первоначально она издавалась в восьмую долю листа. Однако поскольку она не получила широкого распространения, то была преобразована в «Санкт-Петербургскую газету» («*Journal de St. Petersburg*»)³⁹. С другой стороны, вскоре возникло множество обстоятельств, значительно затруднивших вы-

ход моей газеты. Именно из-за того, что ей придавалось большое значение, все высокопоставленные чиновники в Риге, а также несколько министров и их канцелярии в Санкт-Петербурге требовали бесплатных экземпляров, и отказ им в этом казался опасным. Цензор также заказал девять экземпляров для Дерпта⁴⁰, и каждый сотрудник типографии должен был получить по два. Было время, когда число бесплатных экземпляров доходило до сорока пяти. Поскольку цена газеты в то время составляла 12 Альбертовых талеров, они дали потерю в 540 Альбертовых талеров. Еще более преумножало убыток то, что большинство получавших бесплатный экземпляр позволяли его читать окружающим.

Позже выяснилось, что в типографии, после того как был напечатан за мой счет тираж, некоторые рабочие тайком допечатывали для себе номера и продавали их за полцены. Скорое расследование показало, что только в Риге таким способом продавалось 30 экземпляров — дополнительная потеря 300 Альбертовых талеров ежегодно. Адвокаты меня, конечно, уверили, что я могу потребовать возмещения этой суммы от владельца типографии, но мне понравился этот достойный человек, который сам был глубоко потрясен раскрытым обманом и с большой симпатией относился к «Зрителю». Да и его собственные средства оставляли желать лучшего. Я удовлетворился тем, что он уволил печатника, который обманывал меня. Некоторые иные работники типографии заслуживали того же, но их нечем было заменить.

Еще больше сработала жадность почтовых чиновников, ненасытность которых не ограничивалась никаким законом. Я дал почтмейстеру в Риге очень высокую скидку, за счет которой он пообещал дать экспедитору надбавку к жалованью.

Он, должно быть, этого не сделал, потому что экспедитор стал требовать с заграничных подписчиков по 5 рублей, что составляло около 1,5 талера. Более того — почтмейстеры в других городах произвольно подняли цену, так что в провинциальном городке в десяти или двенадцати милях от него газета была на 33 процента дороже, чем продавал ее я. А цензор не пропустил заявления, которое я хотел напечатать по этому поводу, посчитав это жалобой на государственного чиновника. Все способы, к которым прибегал я, ни к чему не привели. И наконец газета, которая часто привлекала внимание читателей к внутренним проблемам, раздражала моих старых врагов и приобретала новых, что делало цензора еще более строгим.

Все это привело к падению продаж, что оказалось для меня довольно чувствительно. Поскольку я поздно узнал о его подлинные причины, я надеялся решить дело, расширяя круг тем публикаций. Поэтому осенью 1811 г. я добавил к «Зрителю» еще и «Литературно-художественную га-

зету» («Zeitung für Literatur und Kunst»)⁴¹, о которой речь пойдет ниже. Ее приветствовали в Лифляндии и Петербурге, но круг немецких читателей в прибалтийских провинциях и в Петербурге оказался слишком узок, а обман с тайным печатанием экземпляров тут же распространился и на новую газету. Доходов было так мало, что я решил отказаться от нее в конце 1812 г., но война прервала ее еще летом. В этой ситуации я приготовился придать «Зрителю» тот же характер, что и у «Откровенного» и «Прибавления». Однако кое-кто посчитал, что такое издание может принести денежную выгоду, и решил получать ее сам. И это был тот самый Рамбах⁴², который оказался известен в Германии больше благодаря забавной песенке Фалька, чем своим скучным сочинением, а позднее получил должность профессора в Дерпте. Поскольку он не понимал русского языка, он связался с другим профессором, который был русским⁴³, и предложил военному министру⁴⁴ издавать военную газету в самой армии, чтобы воодушевить народ и особенно войска. Он захотел заполнять ее своими сочинениями, а его товарищ должен был переводить то, что он написал. Его предложение было принято, и крупная сумма была передана полевой типографии для закупки всего необходимого.

Рамбах купил или реквизирует в типографиях Лифляндии пресс, литеры, коробки для шрифтов. Он нанял наборщика и печатника из типографии Геккера⁴⁵ и прихватил с собой много книг из библиотеки Дерптского университета, в том числе множество томов из «Истории немцев» («Geschichte der Deutschen») Шмидта⁴⁶. Бог знает, что за необходимость заставила его взяться за этот армейский летучий листок, предназначенный ободрить русский народ и солдат! Весь его план и действия показались мне слишком авантюрными, чтобы бояться его соперничества; с другой стороны, он, кажется, уклонялся от конкуренции со мной. Как член Цензурного комитета при Дерптском университете он послал приказ рижскому цензору не пропускать в печать ничего о войне, кроме того, что будет взято из его листа. Цензор в Риге, который позже стал суперинтендентом, Албанус⁴⁷ сообщил мне об таком распоряжении.

Из-за военных неудач я чувствовал себя совершенно разбитым и потому не мог быть соратником г-на Рамбаха. Я также не хотел подвергать свою семью ужасу осады, которая угрожала Риге и ее предместьям, и решил на время поехать в Дерпт, а если враги продвинулись к нему, то уехать в Петербург. Я передал издание «Зрителя» моему другу, любезному и толковому молодому человеку, нынешнему старшему судебному приставу Герману⁴⁸. Прежде чем я успел уехать, гражданский губернатор, действительный статский советник Дюгамель⁴⁹, вручил мне текст обращения к жителям Лифляндии и

попросил его прочесть. Я прочитал его. Это оказалась такая милая и поэтически-сентиментальная галиматья, что невольно я разразился хохотом. Губернатор горячо поддержал меня, а затем сказал, что это принес профессор Рамбах. — «Напишите нам обращение!», — попросил он. И я написал⁵⁰.

Обращение было принято и напечатано в петербургской немецкой газете⁵¹, его перевод известного старого поэта Державина был размещен в русской газете⁵², с хвалебным отзывом, приписывающим его Коцебу⁵³. Я заявил в «Зрителе» претензии на отнятую у меня собственность; но в те смутные времена на это не обратили внимания⁵⁴.

У Коцебу была слава сочинителя, поэтому когда войска вступили в Германию и понадобился писатель, способный повлиять на немцев, для этого был вызван именно он. Однако оказалось, что среди талантов Коцебу не было способности вдохновлять людей⁵⁵. Вместо того, чтобы вселять в немцев уверенность в победе, он настолько восстановил их против себя, что был убит, правда, после блестящей карьеры⁵⁶, по поводу которой я иногда вздыхал: «Nós ego vérsiculós fecí, tulit álter honóres»*. Но, конечно, я бы не подошел для того предприятия, которым, как рассказывали, он занимался после войны в Германии.

Но что стало с г-ном Рамбахом и его армейской газетой? Вот что он мне сам рассказывал после возвращения в Дерпт, куда он прибыл уже в начале октября. Когда армия находилась в Дриссе⁵⁷, он прибыл туда же вместе со своим соратником профессором Кайсаровым, с большой военной повозкой и типографией. Затем переехал с ними в Витебск и напечатал там первый номер под названием: «Der Russe» («Россиянин»), по-немецки и по-русски, параллельно. Затем он последовал за армией, затерявшись среди обоза и, полагая, до самой Москвы, не имея возможности опубликовать второй номер. Он жаловался, что никто не обратил внимания на его газету и на него самого. Только один генерал, имя которого я забыл, время от времени говорил с ним. Однако, когда он попросил у того совета и помощи, чтобы забрать свою повозку с походным скарбом, лошади от которой при поспешном отходе войск были запряжены в пушку, генерал ответил коротко: «Сожги бесполезное». Итак, Рамбах продолжал двигаться с грузом в Москву, а затем вернулся домой *avec sa courte honte*^{**}. Между тем за свои заслуги он получил орден Владимира, а затем денежную сумму в награду.

* Эти стишки написал я, а почести за них достались другому (*лат.*). Слова, по преданию, принадлежащие Вергилию. Подробнее см. примеч. 98.

** С легким позором (*фр.*).

Я же вторую половину лета и осень относительно спокойно провел в Дерпте и периодически посылал в Ригу для «Зрителя» гневные воззвания, среди которых — «Русский человек к своим братьям» («Ein russischer Mann zu sein Brüdern»). Вероятно, это лучшее, что я написал в подобном стиле. В Петербурге оно было переведено на русский язык нынешним действительным статским советником Гречем⁵⁸, напечатано и распространено и, вероятно, больше всего способствовало моему внезапному возвращению к политической деятельности⁵⁹.

С приближением зимы ситуация в Риге стала очень опасной: Даугава до сих пор защищала город от осады, но река замерзла, так что осада казалась неизбежной, поскольку вражеская армия находилась всего в трех милях от города, на южном берегу. Укрепления города, хотя и значительные, требовали для эффективной защиты от 15 до 20 тысяч человек. Но имелось лишь несколько тысяч, остальные войска ушли с армией. Вдобавок к этому в богатом торговом городе чувствовалось беспокойство, его бомбардировка противником нанесла бы неизмеримый ущерб. В этих обстоятельствах правильно было бы недостаток силы восполнить хитростью, но действующий военный генерал-губернатор⁶⁰, похоже, не подходил для этого. Он был старым служакой, составившим себе прочную репутацию отменной храбростью и решимостью, но с грубым, жестоким характером, из-за которого он слишком легко принимал ненужные, пагубные меры.

В середине лета, когда ночью пришло известие, что в двух милях от города противник переходит реку, он, будучи в постели, сразу, не прибегая к разведке, приказал сжечь предместья на северном берегу. И это нанесло многомиллионный ущерб. Говорят, что погибло более тысячи человек, пораженных внезапным пожаром. В первую годовщину этого поступка он застрелился на приморском курорте Балдоне: вероятно, потому что его чувства не ожесточились, и он горько сожалел об ужасных последствиях своей поспешности⁶¹.

В октябре император Александр отправил его в отставку и назначил на этот пост гораздо более молодого генерала, который обладал немалыми военными знаниями, смелостью, решимостью, а также изощренной хитростью. Это был итальянец, ненавидевший французов и являвшийся личным врагом Наполеона — генерал-лейтенант маркиз Паулуччи⁶².

Паулуччи, красивый, сильный мужчина лет 35, с выразительным лицом, лишь подпорченным косоглазием, происходил из знатной, но обедневшей семьи в Модене. Не знаю, где он получил образование в юности — похоже, в иезуитской коллегии — но оно было разносторонним. Паулуччи много

занимался самообразованием, был способен говорить по-латыни, обладал роскошной библиотекой и широким кругом знаний.

Из основных обстоятельств его жизни я знаю следующее. Когда Бонапарт захватил Северную Италию, Паулуччи, еще будучи молодым, кажется, поднял восстание в Модене, в результате чего французы были изгнаны из города, однако быстро вернулись, а он бежал в Австрию. Когда Австрии пришлось уступить Далмацию Франции, он, похоже, командовал провинцией, потому что, вместо того чтобы передать неприступный Каттаро французам, он отдал его русским, которые удерживали его несколько лет⁶³, затем он и жена бежали в Россию и жили, не знаю, как долго, в Курляндии, откуда родом была его супруга. Позже он стал заместителем в Грузии и в бою одержал победу над персами. Когда же разразилась война с Францией, его отозвали, потому что хотели собрать в армии все светлые головы. Когда вторглись французы, в присутствии императора был проведен военный совет относительно того, где должна занять позицию русская армия.

Как известно, по совету генерала Фуля⁶⁴ и по его инициативе в Дриссе был разбит укрепленный лагерь; но когда войска собирались направить туда, несколько голосов поднялось против. Император позвал Паулуччи, чтобы узнать его мнение. Когда Паулуччи услышал, что армии следует передислоцироваться в Дриссу, он с возмущением воскликнул: «Только дурак или предатель может такое посоветовать. Армия должна держать там лишь свое оружие». Говорят, что император, уязвленный таким прямым высказыванием, сразу же избавился от Паулуччи. Его послали во внутренние губернии для организации войск. Войска направились в Дриссу, но там сразу же стала очевидна непригодность этого места для лагеря, и они снова двинулись в путь. За всю войну в русской армии больше не было разговоров о генерале Фуле.

С другой стороны, маркиз Паулуччи, вероятно, вырос в мнении императора. Ведь когда дело дошло до спасения Риги и Лифляндии, его послали сюда в качестве военного и гражданского губернатора, и с тех пор он до самой смерти Александра пользовался привилегией напрямую обращаться к нему с письмами.

Паулуччи, вероятно, был достоин доверия большего, чем ему оказали. 24 октября он прибыл в Ригу. После этого ему потребовалось восемь дней, чтобы сориентироваться в обстановке и в положении вражеской армии, аванпосты которой несколько месяцев находились в двух милях от города, на противоположном берегу Даугавы. 2 (14) ноября он направил генералу Йорку⁶⁵, который командовал прусским корпусом под началом маршала Макдональда⁶⁶, известие об отступлении французов и в красноречивом

письме убеждал его последовать примеру «славного Ла Романа»⁶⁷ и вместе со своими войсками оставить ряды угнетателей своего Отечества.

Он предложил ему отделиться от других войск под предлогом прикрытия прусской границы⁶⁸. Насколько эта мера была осуществима и важна, показывают сведения о состоянии вражеской армии, которые маркиз сумел добыть и отправить императору. Она насчитывала 18 986 пруссаков, 2800 баварцев, 2800 вестфальцев и 8400 поляков и имела 16 пушек⁶⁹. (Эта информация объясняет, почему Макдональд не атаковал Ригу летом. Осадный парк отстал от армии и успел развернуться только осенью). Йорк поблагодарил его устно и попросил о возможности получать сообщения через русские аванпосты, так как он хочет отправлять их своему королю.

Йорк ответил письменно только 8 (20) ноября, отклонил предложение и заявил: «Пример Ла Романа мне не подходит. Ла Романа положительно знал, на что именно его отечество могло рассчитывать от союзника, к которому он примкнул: дело было ясно и решено»⁷⁰. Я сообщаю здесь сведения именно из переписки между маркизом и Йорком и из составленных по-французски отчетов Паулуччи императору. Маркиз рассказал мне об этом и разрешил скопировать все для себя. То, что было сказано в последнем послании Йорка, было слишком очевидно; и маркиз немедленно отослал его письмо императору⁷¹. Однако ответ монарха, в котором с большим чувством выражено то же желание — сделать интересы Пруссии своими и добиться восстановления прежнего величия Пруссии — был написан им только 6 декабря⁷².

Тем временем маркиз нетерпеливо продолжал переговоры с Йорком. Чтобы ускорить дело, ему казалось важным повлиять на генерала и его войска. Для этого он действовал через печать, которая могла бы подвинуть прусский Кабинет к решительным шагам. Маркиз сообщил мне через Германа, что просит меня вернуться в Ригу. Я вернулся. Он принял меня с самой искренней предупредительностью, открыто сказал мне, чего он хочет, и попросил меня снова заняться изданием «Зрителя». Я был растроган и согласился.

Каждый номер «Зрителя» теперь содержал то едкую пародию на мирового тирана, то настоятельный призыв к пруссакам отказаться от той подлой роли, которую он им навязал, и отомстить за несчастья их Отечества и смерть их убитой горем королевы, то холодную политическую риторику, то комические анекдоты — все было направлено на одну цель, и каждый номер быстро переправлялся к прусским аванпостам. Вместе с почти непрерывными сообщениями о победах мои усилия оказывали большое действие, даже в берлинском обществе, куда Йорк отсылал журнал, и где обо мне продолжали помнить даже в 1816 г.

К тому же среди прусских войск, стоявших возле Риги, ненависть к французам часто выливалась в ссоры и даже в кровавые стычки. Говорят, что сам Йорк однажды категорически отказался принять участие в операции, которую Макдональд приказал ему предпринять, и 26 ноября (8 декабря) он написал маркизу, что отправил своего самого доверенного адъютанта в Берлин, чтобы вручить письма маркиза королю⁷³. Этот адъютант, майор Зейдлиц⁷⁴, прибыл в Мемель⁷⁵, который Паулуччи к тому времени уже занял. Однако на обратном пути из Берлина был задержан и отправил маркизу записку с просьбой позволить продолжить свое путешествие, поскольку сам же маркиз его и отправил⁷⁶. В этой ситуации Зейдлиц проявил необходимую учтивость и сразу получил паспорт и сопровождающих.

Тем временем маркиз предложил генералу Йорку заключить соглашение о том, что пруссаки в Курляндии или в Пруссии займут позиции, на которых будут соблюдать нейтралитет и т. д. Йорк одобрил его, но отказался подписать, пока его адъютант не вернется.

20 декабря (2 января) он открыто написал письмо маркизу, в котором сообщал ему, что отступает в Пруссию и оставляет ему своих больных⁷⁷. Однако в Курляндии он отделился от Макдональда и выбрал другой путь, по которому стал медленно отходить. Как только маркиз убедился в этом, он выступил с немногими войсками, насчитывавшими 1000 или самое большее 1800 человек, поспешно двинулся вдоль Куршского побережья к Мемелю, который тут же капитулировал.

Когда Зейдлиц вернулся из Берлина, Паулуччи направил графа Дона⁷⁸, который прохладился в Риге под именем графа Норденбурга, к Йорку с предложением подписать соглашение. Йорк собирался это сделать, когда узнал, что Дибич⁷⁹ с несколькими полками стал на его пути перед Тильзитом. Теперь ему казалось более подходящим иметь дело с командиром настоящего, хотя и не полного корпуса, который стоял рядом с ним, чем с командиром небольшого отряда, находившегося довольно далеко. Граф Дона доставил Дибичу соглашение, разработанное Паулуччи, которое Йорк заключил теперь с Дибичем. Затем Дона написал очень учтивое письмо с извинениями Паулуччи⁸⁰, которого оно отнюдь не утешило. Ведь капитуляция⁸¹ была основана на проекте, который передал ему Паулуччи.

Дибич, заключив конвенцию, оказавшую решающее влияние на ход войны⁸², заслужил славу, кажется, более громкую, чем как командир корпуса. Ведь лишенный поддержки пруссаков, Макдональд не мог предпринять ничего, кроме самого срочного отступления, и Йорк, как хорошо известно, продолжал свое нейтральное бездействие в Пруссии и Германии, хотя, очевидно, король его не одобрял. И позднее, когда Пруссия взялась за оружие,

корпус Йорка выступил первым. Дибич при этом снискал славу, но он фактически был обязан этим Паулуччи, потому что, если бы Йорк и его войска не были побеждены под Ригой, то Макдональд со своей свежей, нетронутой армией связал бы часть сил, что могло бы прервать победное шествие русских. Судьба была несправедлива по отношению к Паулуччи, и ко мне.

Вскоре после того, как Йорк ответил на предложение маркиза и когда ему сообщили о воздействии моего сарказма и моих призывов к прусским войскам, маркиз воскликнул и повторил это позже при Зонтаге: «Меркель стоит корпуса из двадцати тысяч солдат». Тем не менее он не вспомнил обо мне, когда просил у императора сотни наград для офицеров и чиновников. Он даже не предложил мне компенсацию или паек за мое пребывание в тогда перенаселенной и поэтому очень дорогой Риге, в то время как моя семья жила в Дерпте. И он очень хорошо знал, что мое имение было разорено войной.

Если бы я попросил что-то подобное, когда он давал мне свое задание, он, несомненно, предоставил бы мне это, но я слишком патриотичен и слишком горд, чтобы просить.

Тем не менее я продолжал печатать свои патриотические воззвания, пока длилась война. Конечно, они больше не имели такого значения, как прежде, поскольку фронт ушел вдаль; но они продолжали оказывать свое действие внутри страны и в Петербурге, чему я получал различные свидетельства.

Когда в 1815 г. Наполеон вернулся с Эльбы, то к первым сообщениям об этом я добавил предсказание: он доберется до Парижа, захватит трон, но только на время, поскольку все его старые маршалы, создатели его побед, богатые и влиятельные, теперь не поддержат его, и ореол победителя, которым он вдохновлял нацию, уже разрушен⁸³. Как раз в этот день, когда был выпущен номер газеты с этим текстом, посланник Людовика XVIII проезжал через Ригу⁸⁴. Он прочитал на досуге это известие, вырвал лист с ним из газеты и взял с собой. Как мне объяснили, — чтобы подать на меня в суд, поскольку я предположил, что Наполеон может добраться до Парижа, однако прежде чем посланник прибыл в Петербург, до него дошла весть о том, что именно это и случилось.

Примерно в это же время в Ригу приехал министр Козодавлев и пригласил меня в гости. Он принял меня очень любезно и, наконец, пообещал сообщать мне официальные известия, чтобы поддержать мою газету и, как упоминалось выше, даже присылал мне отчеты о Библейском обществе объемом с печатный лист. Очевидно, я должен был служить орудием для того, чтобы выставить его усилия в нужном свете. По крайней мере, потом он не сетовал, что я не воспользовался его отчетами⁸⁵.

Около того же времени я получил через Греча, желавшего продолжить сотрудничество в моей «Литературно-художественной газете» («Zeitschrift für Literatur und Kunst»⁸⁶), прекращенной из-за войны 1812 года, письмо тайного советника и статс-секретаря Оленина⁸⁷. В нем он хвалил меня и высказал пожелание, чтобы газета возобновилась. Я поблагодарил его за лестное внимание, но ответил, что читающей публики слишком мало, и потому я не только не компенсировал затраты на эту газету, но и потерял средств больше, чем могу позволить себе теперь, после ущерба, понесенного мною из-за войны. Так что я мог бы ее возобновить, в случае, если бы он посодействовал мне получить от императора подписку на 150 экземпляров, что, кстати, составило бы около 300 талеров. Я добавил: «Однако газета всегда будет нерусской, а Петербург и Москва сейчас так богаты высокообразованными писателями, и все, что нужно им, — это поддержка вельмож. Это обеспечит русской литературе подъем, который сделает ее значимой для Европы». Я не получил поддержки, однако Греч обрел свою «Северную пчелу»⁸⁸, вдохновенную Олениным, и вскоре появилось много произведений, в которых русская литература действительно явила свой настоящий расцвет.

С началом войны широкая публика потеряла к «Зрителю» интерес. Я выбрал новую цель: воодушевленная репутацией, которой пользовалась моя газета в Петербурге, я попытался привлечь внимание к внутренней жизни в России. Периодически я критиковал провинциальные условия жизни так же беспристрастно, как я писал о загранице. Тут же проснулась куча врагов. Каждый новый министр народного просвещения издавал более строгие распоряжения по цензуре. Как только вышло распоряжение о том, что все печатаемое в Риге должно отправляться для проверки в Дерпт, рижский цензор заявил, что это касается и газет. Но поскольку помимо «Зрителя» в то время не было в России газеты, которая помещала бы независимые критические, политические и иные суждения, то он метил именно в него. Личные враги, особенно петербургские пиетисты⁸⁹ во главе с господином Пезаровиусом⁹⁰, а долгое время даже министр князь Голицын⁹¹, князь Ливен⁹², придумывали новые ограничения, которые ужесточались враждебными мне членами Цензурного комитета.

Без покровительства генерал-губернатора маркиза Пауллуччи, который утверждал, что, согласно Цензурному уставу, периодические издания находятся под его цензурой, мне пришлось бы закрыть свою газету. Но и его власть ограничивало то, что Устав не отдавал всю цензуру генерал-губернатору, но позволял, чтобы главный директор уездных училищ осуществлял контроль над периодическими изданиями, а сам он подчинялся университету и министру народного просвещения. Директор училищ стремился пока-

зать перед ними свою со мной строгость и их постановлениям повиновался больше, чем указаниям благосклонного ко мне генерал-губернатора⁹³.

Как отмечалось выше, подготовка номеров составляла для меня известную сложность, и из-за больших издержек я лишился большей части дохода. Подводила почта. Я мог бы пожаловаться на нее генерал-губернатору, но почтмейстер находился в подчинении не у него, а у особого министра в Петербурге⁹⁴: он мог бы оказывать мне более существенную помощь в работе. Навязать ему иные условия мне не разрешили. И если бы я пожаловался прямо к министру, то либо он принял бы сторону своих чиновников, либо я вовсе остался бы без ответа. Защита подчиненных была и остается официальной обязанностью. Второй проблемой явились распространяемые бесплатно экземпляры, за которые приходилось платить мне. Другие немецкие газеты в Лифляндии и Петербурге тоже были стеснены, но находились в лучшем положении по сравнению со «Зрителем». Все они, как и повсюду в Остзейских провинциях, были собственностью типографов, которые в основном сами редактировали их, поэтому, исключая местные объявления и постановления, они состояли только из статей, перепечатанных из «Гамбургского корреспондента» («Der Hamburger Correspondent»)⁹⁵ и берлинских газет.

В «Зрителе» я не принимал платные объявления, чтобы освободить место для статей, которые я собирал из более чем 30 газет, а затем в основном пересказывал, снабжая комментариями. По сравнению с такой газетой другие должны были остаться далеко позади, — они вызывали интерес только у местных жителей, а аудитория «Зрителя» распространилась на большую часть России. Эта газета даже отправлялась в Германию и Швецию. Чтобы отомстить, эти газеты всегда были готовы напечатать враждебную мне заметку и в то же время действовали так, как будто они вообще не замечали «Зрителя». Нередко случалось, что они, а также «Санкт-Петербургская газета» («St.-Petersburgische Zeitung») перепечатывали статьи «Зрителя» из «Гамбургского корреспондента» и «Всеобщей газеты» («Allgemeine Zeitung»)⁹⁶, а затем ссылались на них как на источники. Я смеялся и издевался над этим, но мне было обидно. Самой враждебной была «Рижская газета», та самая, которую в 1807 г. я мог увести у ее нынешнего владельца, но посчитал, что это ниже моего достоинства.

Эта газета существовала в основном за счет сообщений о местных событиях, одно время она очень старалась перенимать каждый прием, который я применял, копировать каждый элемент оформления, который я использовал в «Зрителе». Тем не менее она нередко помещала оригинальные статьи, которые, даже если они не имели большой ценности, издатель не мог написать

сам. Это соперничество велось с таким усердием, что я мог приписать его только злейшему врагу, которого не мог узнать и угадать. Каково же было мое удивление, когда однажды я получил записку от советника Трухарда⁹⁷, человека, который всегда вел себя как мой искренний друг. Он горько жаловался, что владелец газеты, внезапно и без причины уволив его, снова принял на себя ее редактирование. И в то же время он попросил меня отомстить за него, от чего я, естественно, отказался.

Несмотря на все эти неудобства и вынужденное сокращение объема газеты, я продолжал ее издавать в течение 25 лет и делал бы это до сих пор, если бы не события, которые изменили мое отношение к политическим вопросам в России.

Отказ от освещения политических проблем оказался для меня трудным. Признаться, и я сам спровоцировал распространение новых взглядов, которые позже были претворены в жизнь другими, присвоившими себе всю заслугу. Приведу несколько примеров. Да не покажутся они самовосхвалением, ведь я первый сформулировал главные идеи нашего времени, что может быть доказано. Я вздыхал бесчисленное количество раз: «*Nós ego vérsiculós fecí, tulit álter honóres, sic vos non vobis*» * и т. д.

В 1804 или 1805 г. я впервые изложил в «Берлинских ведомостях» («*Spenerschen Zeitung*»)⁹⁹ идею о том, насколько важно было бы основать в Берлине крупный университет. После того, как я объяснил преимущества, которые получит от этого город и государство, я указал, что это положительно скажется на многих сторонах жизни. Столицу Пруссии нужно было оживить и теснее связать с остальной Германией. Потому что, как я писал, и люди, и растения тянутся туда, откуда исходит свет.

Кто-то добродушно посмеялся над этой идеей, как будто ее слишком сложно было осуществить. Когда о ней вспомнили в годы бедствий, та же газета однажды порекомендовала план, который, по ее мнению, уже высказал Энгель¹⁰⁰. Но это неверно. Это являлось моей идеей. Другое дело, что я редко ею делился. А его предложение, которое мы часто обсуждали, заключалось в том, что членам Академии наук следует приказывать читать публичные лекции для молодежи, и он был в восторге от мысли, в какое затруднение попадут старые, тупые адепты французской партии, из которых почти сплошь состояла Академия¹⁰¹.

Хорошо известно, что в 1805 и 1806 гг. я первым призывал к всеобщему вооружению народа, и именно это явилось причиной моего вынужденного

* Эти стишки написал я, а почести за них достались другому, так вы не для себя... (лат.).

бегства из Германии. До битвы при Йене¹⁰² власти отвергали эту идею как неприемлемую, но после нее в Кенигсберге многие официальные лица и военные стали склоняться к ней. В положении крайнего упадка, наступившего после заключенного мира, были приняты секретные меры для подготовки вооруженного сопротивления. Я не присоединился к Тугендбунду, потому что чувствовал величайшее нежелание стать просто чьим-либо инструментом.

Когда в 1809 г. была завоевана Финляндия, я объяснял, что это рано или поздно должно было произойти, так как по своему местоположению это только побережье северной России, но что Швеция может эту потерю многократно компенсировать, если получит Норвегию, и таким образом весь Скандинавский полуостров станет почти неприступным государством без соседей на суше. В то время Дания была союзницей России, и эта идея казалась бессмысленной. Однако когда в 1812 г. была поставлена задача сделать Швецию союзницей России, приступили к ее выполнению¹⁰³. Как я действовал в 1812 г., рассказано выше.

Я был первым в Германии, кто выступил за дело освобождения греков. Фактически еще в 1816 г. в одном из первых номеров моего журнала: «И в шутку и всерьез, или старый Откровенный» («*Ernst und Scherz, oder alte Freimuethige*») я убедительно и живо призывал Европу ради ее же интересов освободить греков. Я не знаю, какое впечатление произвела моя статья: в то время газета не имела большого распространения¹⁰⁴. Однако ее главная мысль не пропала. Профессор Круг¹⁰⁵ из Лейпцига, хороший, честный человек, со здравым самобытным умом и соответствующим даром красноречия и убеждения, перенял эту идею и позже написал о греках, начавших тогда борьбу за свою свободу. Впоследствии так поступали и другие, но несколько лет спустя какие-то греки прислали в Лейпциг красивую курительную трубку, которая в знак благодарности предназначалась первому литератору, написавшему об их борьбе. Ее получил, вероятно, Круг, и это почти единственная дань уважения, которую заслужил я, а получил кто-то другой, и я это воспринял болезненно.

В 1817 г., вернувшись в Лифляндию, я написал книгу: «О Германии, какой я ее снова нашел после десяти лет разлуки» («*Über Deutschland, wie ich es nach einer zehnjährigen Entfernung wieder fand*». Mainz, 1818). (На самом деле она опубликована Фр. Вильмансом во Франкфурте-на-Майне¹⁰⁶). Вскоре после этого прекрасный король Максимилиан Баварский¹⁰⁷ дал своей стране конституцию, став первым немецким правителем, совершившим это¹⁰⁸. И как бы в оправдание такого шага в «Мюнхенской политической газете» («*Münchner Hofzeitung*»)¹⁰⁹ в то время было сказано: «Меркель го-

ворит в своей книге „О Германии“: „Если бы, будучи министром немецкого герцога, я не способствовал учреждению парламента, то чувствовал бы себя высокопоставленным изменником его страны, его Дома и его благополучия“». Действительно, такими словами заканчивается девятое письмо второго тома этой книги. Таким образом, то, о чем я говорил, осуществилось.

Мне кажется, вполне естественны мои сетования в вышеупомянутой статье на то, что в Берлине с населением 140 000 человек есть только один театр. Также я выразил общее мнение о необходимости свободы торговли, которая должна быть предоставлена прусскому государству, состоящему только из приграничных провинций. Но мне пора заканчивать.

Когда разразилась последняя турецкая война¹¹⁰, борьба с тираническим злодеем Мустафой¹¹¹ шла без ожесточения, только две мои газеты «Зритель» и «Провинциальный листок» очень ярко выступили против турок. Я не мог надеяться на такой же отклик за границей, но я верил, что сказанное мной не останется незамеченным в Петербурге, и последующие события это подтвердили. Война шла медленно и кровопролитно, я читал рассуждения о том, что она не может привести к ощутимому результату, так как Константинополь находится между двумя сильно укрепленными проливами и прикрыт Балканами. В то же время я поделился мыслями о том, что эта ситуация не изменится, пока султану не придется иметь дело с силой, способной заблокировать оба пролива. И если бы это произошло, то в Константинополе, который снабжался бы только караванами верблюдов из Азии, вскоре возникла сотня бедствий и бунтов. Три-четыре недели спустя Кронштадтский флот вошел в Средиземное море и заблокировал Дарданеллы, а российский Черноморский флот — пролив Босфор. Константинополь действительно оказался в сложном положении, на самом деле его можно было снабжать только с помощью вьючных верблюдов. И славный переход войск через Балканы, вероятно, принес победные плоды быстрее, чем это могло бы произойти в ином случае.

Мое ли предвидение привело в движение Кронштадтский флот? Но когда разразилась Польская война, мне было неприятно узнать, что в Петербурге внимательно следят за моими высказываниями. О польских событиях я ничего не писал и ограничивался сообщением только того, о чем рассказывали петербургские газеты. Происходило это не из сочувствия к восставшим полякам, а просто было реакцией семейного человека. В Польском восстании я видел лишь заговор дворянства против угрозы ограничить их привилегии в отношении к низшим сословиям, и прежде всего к крестьянам их собственной страны.

Смешно, если вы будете смотреть на этот заговор как на борьбу поляков за национальную независимость и при этом считать побежденных мучениками и сочувствовать им. В действительности основные части нации — буржуа и крестьяне были в гораздо лучшем положении при русской власти, чем при произволе знати, которая принуждала их вступать в повстанческую армию.

Это было очевидно на Волыни, Подолье и даже в Литве, где монархическая власть уже ограничила влияние шляхты. В первых двух провинциях, когда партийные конгрегации призывали народ к оружию, он оставался совершенно безучастным и спокойным, а аристократия, после того как прибрала оружие, была арестована и увезена в Ригу. Литовские же крестьяне, когда их стали наказывать за участие в беспорядках, сняли куртки, показали отметины плетей на спинах и тем самым объяснили, что только насилие заставило их подчиниться шляхте. Так что я молчал не из-за сочувствия заговору польской знати, а просто из опасения. Мое имение расположено очень близко к курляндской границе и всего в десяти милях от польской. Если бы какая-либо перемена в борьбе привлекла бы сюда бунтовщиков, имение могло быть разграблено вражескими набегами так же легко, как это было в 1812 г. А если бы этого не произошло, то и в Курляндии, и в самой Риге имелось множество польских шляхтичей: увидев во мне врага, они бы разграбили и сожгли мои дома.

За то, что я принес в жертву патриотизму все свое состояние в 1806 г. и большую часть моего нового состояния в 1812 г., я не получил даже благодарности, а тем более компенсации. Только своим детям я обязан тем, что избежал участи нищего.

В Петербурге по-разному относились к моему молчанию и однажды показали, что дорожат моим словом, но произошло это так, что мне пришлось сильно обеспокоиться. Похоже, там были взволнованы, что дух восстания распространяется в Курляндии и Лифляндии, и считали признаком этого мое молчание.

Граф Строганов¹¹² был направлен в Ригу с конкретной задачей — занять место генерал-губернатора. Когда с частью войск он двигался к литовской границе, его сопровождал полковник корпуса жандармов, орудие тайной полиции¹¹³. Полковник пытался внушить ему, что особое внимание необходимо обратить на мятежные тенденции (которых в действительности не было) и принять меры для их подавления.

Вскоре я получил записку гражданского губернатора¹¹⁴ и должен был вернуться в город, поскольку граф пожелал познакомиться со мной. На следующее утро я поехал в Ригу, но его не застал, он жил не в замке, а в трак-

тире «Лондон». Я пошел к моему старому другу, губернскому прокурору Петерсену¹¹⁵. Здесь был упомянутый полковник жандармского корпуса, и в смущении, с которым Петерсен представил меня ему, и в надменной улыбке, с которой меня приветствовал этот толстобрюхий лысый человек, было что-то тревожное. Мне хотелось поскорее уйти, но Петерсен пригласил меня за стол. Я было отказался, но Петерсен сделал знак глазами и сказал: «Полковник остается на обед», тем самым побуждая меня принять приглашение. За столом разговор вскоре оживился, и Петерсен, как мне показалось, усердно его направлял и клонил к обсуждению Польского восстания.

В моих глазах оно было не просто глупостью, а предательством польского народа. Дело касалось только знати, у него не было другой цели, кроме как в ущерб отечеству снова опустошить все свои старые несправедливо завоеванные поместья и обречь многие тысячи своих сограждан на смерть. Я говорил об этом с жаром и горечью, естественными для меня в ту минуту, пока случайно не заметил, что Петерсен смотрит на полковника серьезно, с таким выражением на лице, которое означало: «Ну, что я Вам говорил?»

В тот момент мне стало ясно, что мой благородный друг, который очень хорошо знал мои взгляды, пригласил меня и вел эти разговоры с единственной целью: оправдать меня в глазах чина полиции от каких-то подозрений. Меня охватила глубокая горечь из-за недоверия ко мне, усердно служившему государству без чина и должности, без вознаграждения и даже без компенсации, и который принес за это такие огромные жертвы! Я живо вспомнил, как прекрасный старый книготорговец Шпенер¹¹⁶ воскликнул в 1817 г., когда я уезжал из Берлина: «Вы хотите жить в России? Вы?»

Я замолчал, а сразу после этого встал и вышел. По крайней мере, я испытал удовлетворение, увидев, что с лица полковника исчезла высокомерная улыбка, которая, казалось, говорила «я тебе покажу!».

В горьком негодовании я пришел к графу. Позже я понял, что это было как раз правильное настроение, так как оно подняло меня над всеми моими возвышенными соображениями. Граф принял меня холодно, с серьезным и суровым выражением лица, которое поразило меня тем более, что русские вельможи, с которыми я раньше встречался, даже канцлер Румянцев¹¹⁷, были со мной очень учтивы, а граф слыл образованным и благородным человеком.

Не успел я сесть, как он начал задавать вопросы о моем образе мыслей, которые походили на допрос. Я вскоре прервал их, сказав: «Возможно, Ваша светлость, Вас поразило то, что я в своих газетах ничего не говорю против врага, как делал это во время других войн». — «Да, — сказал граф, обращая ко мне лицо. — Почему ты этого не делаешь?» Я схватился за свои

седые волосы и ответил: «Я старик, я не могу больше заниматься политической. Причем только от Государя Императора зависит, чтобы все польские бесчинства прекратить одним указом». Граф удивленно взглянул и воскликнул: «Как так?» — «Эта война, — ответил я, — есть не что иное, как бунт дворян. Когда император объявит крестьян в Польше свободными собственниками или арендаторами своих угодьев, дворянство будет обезоружено и повергнуто наземь». Граф посмотрел на меня и сказал тихо и нерешительно: «Император не может этого сделать из-за России».

Я пожал плечами и недоуменно посмотрел на него. Вскоре я прочел по его лицу: он чувствовал то же, что и я, но, показав это, он проговорился. После минутного молчания он сказал, что занят письмом императору и что я еще раз могу его навестить. Он повторил это, сделав несколько шагов, чтобы проводить меня до двери, но я больше у него не был.

Когда я снова оказался в городе несколько дней спустя, я столкнулся с ним, когда он был в экипаже. Он подал мне знак, пока я проезжал мимо, но я твердо решил не ездить к нему без особого приглашения. Однако во время эпидемии холеры, бушевавшей в Риге, я воспользовался первой же возможностью, чтобы выразить ему самую теплую благодарность за его благородные, доброжелательные и разумные действия по отношению к больным.

Никаких дополнительных объяснений насчет того, насколько важной могла стать предложенная мною мера, не требуется. Однако сомнения обескураженного графа ясно показали мне, что исполнение ее, вероятно, встретит непреодолимые препятствия, и более того — если бы стало известно, что это я предложил, навлекло бы на меня множество могущественных врагов. К тому же представьте, в каком свете выставлялось бы мое имя в Германии и повсюду, где молились об успехе восставших дворян, и вы поймете, почему я решил, что изложу свои взгляды только после официальной просьбы или приказа.

Такой просьбы я не получил, но, казалось бы, после стольких очевидных свидетельств моего патриотизма, никто не мог подозревать меня в сочувствии к какому-либо заговору. Это сильно обидело меня, что я в самом деле, как и сказал графу, уже не имел никакого отношения к политике. Я хотел закрыть «Зрителя» в конце 1831 г.; типограф вознамерился выпускать его на свой счет, и после двадцати четырех лет успешного выпуска я продал ему журнал за бесценок. Он все еще выходит (1840 г.), но имеет такое направление, с которым у меня нет ничего общего.

«Провинциальный листок Курляндии, Лифляндии и Эстляндии» я начал выпускать в 1827 г., вскоре после смерти Зонтага¹¹⁸. Из всех периодических изданий, которые я выпускал одно за другим, «Провинциальный листок»

был для меня самым любимым и, вероятно, самым важным по своему значению и влиянию. История его также может быть самой важной.

Генерал-суперинтендент Зонтаг всегда был занят общепольными литературными планами, ибо этот могучий дух, богатый яркими, сильными мыслями, эрудицией и ораторским талантом, не удовлетворялся своими обычными обязанностями, как бы добросовестно и рьяно он их ни выполнял. С высокими чувствами он принимал участие в общественной жизни Риги и Лифляндии, а также в личных судьбах страждущих и счастливых. Чтобы повысить образование и привить горожанам передовые знания, он основал в 1808 г. литературно-практическое общество, которое, благодаря его репутации, состояло из самых уважаемых ученых, купцов и ремесленников. Безусловно, очень полезная работа, но она медленно продвигалась и имела едва ощутимый результат. Лишь 20 лет спустя деятельность общества, собравшего солидный денежный фонд, начала приносить ощутимые плоды, и это происходит до сих пор. Энергичный характер Зонтага нарушил вялое прозябание первых лет этого общества. Чтобы ускорить процесс, он основал при нем еженедельную «Рижскую городскую газету» («Rigaische Stadt-Zeitung»), которая должна была информировать публику о жизни общества. Однако поскольку никаких видимых результатов не было, то и писать было, в сущности, не о чем. Литературная жизнь была вялой, в частности, освещения событий повседневной жизни едва хватало на пол-листа в восьмушку, напечатанного крупным шрифтом. И спустя 20 лет возникла ситуация, когда наборщик ждал рукопись, а уже другой редактор обходил всех знакомых и жаловался: он не знает что печатать, и просил дать ему для газеты хоть что-нибудь.

Газета до сих пор продолжает выходить и приносит от 200 до 300 рублей серебром, но содержание по-прежнему оставляет желать лучшего.

Устав от забот, Зонтаг оставил общество и передал редактирование газеты в другие руки, но снова занялся ей, когда ее существование оказалось под угрозой, а потом опять оставил ее. Он был одержим идеей всеобщей популярной газеты, и он реализовал ее в 1814 г., выпустив еженедельник под названием «Наша жизнь» («Inlaendische Blätter») ¹¹⁹. Но в конце того же года он отказался от него из-за того, что его никто не покупал. Зонтаг снова вернулся к этой идее в 1817 г., во время моей поездки в Германию, когда выпускал газету-прибавление к «Зрителю», но довел ее только до 12-го номера ¹²⁰.

В 1823 г. Зонтаг, наконец, осуществил свою мечту: расширил предприятие и получил авторитетных корреспондентов из проповедников и знати. И теперь у него, как ранее, не было необходимости заполнять свою газету официальными документами, в основном перепечатанными. Однако, по-

скольку это не вполне его удовлетворяло, он в 1825 г. добавил экономическое общепольное приложение, а в 1827 г. — литературное приложение. Однако публицистика не входила в число его многочисленных талантов; новое издание стоило ему столько жертв, что после его кончины в Витте де Юлиус в 1827 г. за ним остался значительный долг типографу за затраты на печать.

Незадолго до его смерти между нами встал Кельте. Искатель приключений из Североамериканских Соединенных Штатов путешествовал по Европе и, будучи в протестантских странах, собирал средства на основание лютеранской семинарии. Ведь в Америке лютеранство было глубоко в тени реформатских и католических конфессий. Мне не казалось большим злом, что этот человек путешествует по Европе на чужой счет. Я над ним подтрунивал. Но вот Зонтаг, который всегда был готов помочь, когда к нему обращались, и в этот раз воодушевился и проявил самые добрые намерения. Он попросил разрешения организовать сбор средств для этого человека во всех церквях Лифляндии. Так и сделали. Если бы не Зонтаг, публика, как и я, могла счесть создание лютеранской семинарии делом не очень важным, однако его обращение возымело силу, и, по его словам, было собрано 1500 рублей ассигнациями.

Этот человек уехал в Америку, и вскоре газеты сообщили, что единственный купец пожертвовал на основание семинарии 15 000 долларов, что составляло по тогдашнему курсу от 70 до 80 тысяч рублей банковскими ассигнациями. К сожалению, когда я сообщил об этом в «Зрителе», я не смог удержаться от иронии по поводу 1500 рублей. Зонтаг почувствовал себя неловко, мы поссорились. Поэтому и потому, что он жил за полторы мили от города, я слишком поздно узнал о серьезности его последней болезни. Узнав же, я немедленно поехал к нему и нашел его в саду уже бездыханным.

Незадолго до своей смерти он назначил своим преемником секретаря Сиверса ¹²¹, который продолжил редактировать «Остзейский провинциальный листок» («Ostsee-Provinzen-Blatt») ¹²². Последний фактически составил номер из найденных материалов, но затем заявил, что не может взяться за его продолжение. Брат вдовы Зонтага написал мне и попросил продолжить выпуск газеты до конца года, чтобы вдова смогла рассчитаться с подписчиками. Я решил, что обязан согласиться на это из-за сорокалетней дружбы с благородным, верным человеком. Однако в запасе редакции я обнаружил один-единственный и не очень объемный очерк. Так что почти весь первый номер еженедельника мне пришлось готовить самому. На меня в первую очередь повлияло то, что Зонтаг умер в долгах, и я понимал — весьма сом-

нительно, что его вдова, несмотря на большие заслуги покойного, получит от нового правительства пенсию.

Более внимательное изучение газеты, которую я до сих пор получал регулярно, но, признаюсь, читал очень редко, побудило меня расширить свой план. «Остзейский провинциальный листок» стал помещать весьма ценные статьи. Множество уважаемых людей, по большей части ученых и помещиков, поддерживали своими материалами всеми любимого и почитаемого издателя. И Зонтаг сам высказал в газете много сильных и проникновенных слов. Однако состоящее из четырех существительных название газеты было неблагозвучно и отвращало от чтения большую часть публики — таких, как я. Поэтому, несмотря на усилия Зонтага, проблема никак не разрешалась. Все было основательно, но громоздко и скучно из-за своей бессвязной обстоятельности.

Зонтагу, имевшему множество талантов, не хватало способностей публициста, поэтому много сил и средств он растрчивал впустую. Например, одному знатоку русского языка он заплатил 200 рублей серебром за чтение для него русских газет и перевод самых важных статей, но успеха это не принесло.

Я понял, как сделать газету более влиятельной и более доходной для издателя, и поэтому предложил вдове передать мне право собственности на издание, подписав договор. За это я обязался отдавать ей треть годового дохода. Она согласилась на это с благодарностью. Договор был заключен, но прежде, чем я успел совершить первую ей выплату, она получила пенсию в размере 800 рублей серебром в год. Тогда она сама отказалась от обещанной мною выплаты и возвратила мне свой экземпляр договора. Я принял этот благородный жест, потому что иначе мне пришлось бы закрыть газету, а о вдове теперь должным образом позаботились.

До конца 1827 г. я продолжал работать по старинке, издавая газету под прежним названием. В следующем году, однако, я поменял название на «Провинциальный листок». Время от времени выходило приложение к нему «Литературный спутник» («Der Literarische Begleiter»). Сначала оно издавалось еженедельно в четвертую долю листа, позже — в пол-листа каждые две недели. Я расширил его, включив в него иностранную литературу и старался сделать каждую статью, иностранную или свою собственную, острой и популярной. Вначале мне пришлось столкнуться с большими трудностями. Сотрудники Зонтага были знатными и уважаемыми землевладельцами, они объединились около генерал-суперинтендента, которого любили. Все они, однако, оказались настроены враждебно ко мне, автору «Латышей», и, вероятно, были слишком горды, чтобы присоединиться к журналисту, который

не имел ни чина, ни звания. Ни от кого из них в первые несколько лет я ничего не получал. Конечно, это оказалось немалой потерей, но существовала и положительная сторона.

Почти все они были стариками, которые писали основательно, многословно, с таким достоинством и вниманием, что их очерки становились скучны для публики, у которой имелись другие профессиональные предпочтения. Им бы не понравилось сокращение или переработка их писаний; но еженедельная газета, которая стремится приносить доход и иметь влияние, должна вызывать интерес у всех читателей. Я чувствовал себя обязанным не только искать новые источники информации, но и более гибко использовать старые, которые оставались у меня. И прежде всего расширить круг предметов, распространить его на ремесленные промыслы и торговлю, а также использовать иностранные газеты, чтобы сообщать новости политики и повседневной жизни. В том числе — в виде фельетонов о жизни прибалтийских провинций или настроении их жителей.

Успех от этого превзошел мои ожидания. В первый год, с большим трудом возместив долги Зонтага за газету, на второй год, после вычета расходов, мы получили чистый доход в тысячу рублей серебром. Это явилось следствием популярности «Провинциального листка». Поскольку в отношении с публикой здесь никогда не нарушали правил приличия и требований цензуры, газета приобрела авторитет. Каждый желающий мог обсудить на ее страницах новые взгляды, идеи или нововведения, получить совет или, если подвергался несправедливости, — защиту, все они прибегали к ее помощи. Так происходило неоднократно в городах Виндаве, Либаве¹²³ и даже в Риге. Например, когда злобный болтун Булгарин оклеветал в «Северной пчеле»¹²⁴ рижский городской совет и городских чиновников, когда евреи сделали то же самое в еврейской газете¹²⁵, когда государство объявило о намерении превратить самую важную торговую улицу в Риге в казармы.

Застарелые взгляды и методы хозяйствования проявлялись даже в печатных изданиях этих провинций. Такая традиция во многих отношениях была нарушена, и появилось немало новых начинаний и предприятий, к которым побудил «Провинциальный листок». Даже сейчас, спустя три года после закрытия этой газеты, у министра финансов появилась идея внедрять выгодные для торговли паровые мельницы посредством заказов и субсидий. Гильдия мельников через газеты выступала против. Я же горячо отстаивал их.

Я не буду распространяться о своих проблемах с последней газетой, так как это выглядело бы самовосхвалением. Лучшее свидетельство ее значення — общее сожаление, очень живо выраженное в трех провинциях и даже

в Петербурге, когда император одобрил распоряжение министра просвещения, на взгляд которого, вероятно, «Провинциальная газета» была слишком яркой. Министр сделал представление генерал-губернатору, чтобы издание «Провинциальной газеты» прекратилось в конце 1838 г., без указания какой-либо вины или даже причины. «Провинциальная газета», признаюсь, была одним из наиболее важных и успешных моих журналистских детищ. То, чего я хотел добиться в Германии изданием «Откровенного», я сделал в российских Остзейских губерниях «Провинциальным листком». Я рад, что могу сказать: он был голосом и трибуной мужественных, беспристрастных людей, которые добивались успеха вместе со всеми, от чьего имени он говорил.

Основную поддержку, которую я получил в начале своей работы, оказал генерал-губернатор маркиз Пауллуччи, очень образованный, умный и даже талантливый человек. Своего правителя канцелярии, нынешнего гражданского губернатора Лифляндии фон Фелькерзама, он заставил посылать мне еженедельно все отчеты, статистические, административные, экономические, а также полицейские, поступающие из трех провинций и Пскова. До этого, кажется, Зонтаг получал сводки только из полиции — каждые три-четыре месяца он составлял из них длинную, отчасти резонансную статью под названием «Хроника происшествий», но, по известной причине, неполную.

Если бы в газетах публиковали статистические новости, они вызывали бы массу сенсаций и распространяли совершенно новые взгляды. При их отсутствии сведения о текущем положении можно было бы узнать из превосходных «географических очерков», печатаемых роем наших газет. В Риге некоторые спрашивали меня: «Почему Зонтаг не делает так же?». Ответ был очевиден: «Это не входит в его планы». В Петербурге вскоре было принято решение о создании статистического органа. Губернский прокурор Петерсен спросил меня, хочу ли я как инициатор стать его членом? — «Если вы просите меня, да!». Но так как оказалось, что будут новые гонорары, титулы, медали, появилось много охотников, которые их не стоили. Так что меня больше не вспоминали. Статистический орган был создан, однако я не слышал о его достижениях. Они могли состоять только в составлении новых таблиц¹²⁶.

Разностороннее освещение текущих событий в газете снискало ей горячую похвалу в журнале Министерства¹²⁷, который регулярно присылался мне с просьбой направлять в ответ «Провинциальный листок» и «Литературное приложение».

Вскоре был издан указ об издании официальных газет во всех губернских городах, где имелись печатные станки¹²⁸. С тех пор сообщения о казенных подрядах, объявления о продажах и т. п. появляются во многих россий-

ских губерниях, там, где прежде никто не думал что-либо печатать, разве что изредка какую-нибудь статью. Известно: в Митаве заявили, что у них уже есть необходимые газеты, в Ревеле¹²⁹ оставались со своей еженедельной газетой, грубо напечатанной в восьмую долю листа, но в Риге новость об издании провинциальных газет породила множество тайных спекуляций. Один из чинов местной администрации готов был закрыть «Провинциальный листок»¹³⁰. Я ответил: «Вы намерены издавать что-нибудь лучшее, чем газета, где Вы прочли известие об этом?» Он отказался от этой мысли и в частном порядке предложил мне сделать издание официальным. Я был категорически против, ибо сообщения о заказах и объявления заняли бы слишком много места, так что интерес к газете, а вместе с тем и ее продажи уменьшились бы. Однако главным образом потому, что официальный характер меня очень сильно ограничивал. Лишь позже мне пришло в голову, что я мог бы помещать официальные статьи в специально выпускаемом приложении и таким образом без труда обзавестись новым средством получения дохода.

Не успел я подумать об этом, как меня опередил более хитроумный соперник. Тот же типограф, который владел «Листком объявлений» и «Рижским городским листком», предложил печатать еженедельно как официальную часть, так и местные объявления. Он согласен был бесплатно помещать объявления о казенных подрядах и в прибавление к официальной части издавать неофициальную, если все местные учреждения власти, особенно окружные суды, обяжут подписываться на его листок. Ему это разрешили, и хорошо обеспеченный из казны, он перенес в официальную часть публикацию патентов, которые иначе ему пришлось бы печатать бесплатно. Таким образом императорский указ принес этому хитрецу, а, вероятно, и его покровителям одну лишь выгоду.

Однако я хочу рассказать, как состоялось закрытие «Провинциального листка», которое готовилось довольно долго и в конечном итоге произошло под небывалым давлением. Когда умер Кейслер¹³¹, главный директор училищ, яркий человек отменной учености и замечательного характера, то его место, благодаря протекции профессора Эверса¹³², получил один сельский пастор, считавший себя ученым, хотя был всего лишь формалист. И, к сожалению, он же стал цензором всех периодических изданий в Лифляндии, включая «Провинциальный листок». Он умножил ограничения, поощряя при этом тупиц и подлецов¹³³. Мы с ним, как только встретились, оказались врагами.

Однако «Провинциальный листок» создал мне больших недругов и в Петербурге. Когда там основали Первое страховое от огня общество, объявили, что его сфера деятельности будет расширена до Риги, а прежние

подобные учреждения захотели упразднить¹³⁴, я объяснил, чем это плохо. Одной публикации оказалось достаточно, чтобы нажить себе врагов. Убежден, что деятельность Общества не принесла ничего, кроме спекуляций в пользу некоторых важных особ, стремящихся обогатиться за счет казны. Когда в конце года была представлена статистика, стало ясно, что это Общество собрало свыше миллиона и выплатило немногим более ста тысяч¹³⁵. Тот факт, что империя потеряла миллион ради обогащения нескольких вельмож, был очевиден и не нуждался в доказательствах.

Великороссы надеются, что когда составят свод законов для Остзейских провинций¹³⁶, привилегии и Рижские статуты¹³⁷ будут отменены, и город сравняется в правах с русскими городами. Чтобы поддержать реформу, Булгарин написал брошюру, направленную против городского совета и граждан города¹³⁸. Его заявления являлись чистой клеветой, и я доказал, что они ложны до абсурда. Действующий бургомистр Тимм¹³⁹ и главный управляющий казначейства Кюн¹⁴⁰ пришли поблагодарить меня от имени ландрата. Но позднее часть привилегий была отменена, с тем чтобы обеспечить участие в управлении русских граждан.

В Петербурге евреи, поддержанные банкиром Штиглицем¹⁴¹, добивались того, чтобы в Риге евреев внесли в списки граждан, и поместили в еврейской газете скандальную статью против Риги¹⁴². Я опроверг эту подлую болтовню и показал безосновательность претензий, которые, если их удовлетворить, нанесут ущерб городской торговле. Спустя годы этот вопрос был разрешен тем, что жившие в Риге евреи могли остаться там, но евреям из Шлока не разрешили селиться в самом городе¹⁴³.

В Риге планировали превратить широкую аллею, идущую вдоль реки, в девять валов с казематами внутри. Пользуясь случаем, я заявил, что в этом месте каждый фут земли важен для торговли в портовом городе. Я сравнил богатый торговый город, превращенный в крепость, с саблей с золотым клинком, подходящей скорее для привлечения врага, чем для его отражения. Чтобы проверить, действительно ли укрепления вдоль Даугавы мешают торговле, из Петербурга была назначена комиссия. Ее заключение было утвердительным, и строительство не состоялось.

Самая первая существенная услуга, которую я оказал нашему краю через «Провинциальный листок», заключалась в том, что я помог скорейшему восстановлению полностью сгоревшего городка Лиговерь¹⁴⁴, который в основном был населен бедняками, и никто из них не был застрахован. В трех наших губерниях развит флегматичный эгоизм, и идеи взаимопомощи не приживаются. Между городами существовало слишком мало связей, и до сих пор не было общественного голоса, способного наладить взаимодействие. Благодаря

«Провинциальному листку» мне удалось возбудить такое оживление, что благотворители со всех частей провинций соревновались один с другим, направляя пожертвования, и Лиговерь был отстроен через год. В качестве благодарности умелец Шмидт прислал мне очень полезные садовые ножницы, которые он сделал, когда его дом был заново построен, и кузница снова заработала. У меня была долгая борьба с апатией лифляндцев в отношении к артезианским колодцам. Однако мне удалось убедить читателей в их высокой производительности, и в окрестностях Риги было создано несколько таких.

Не стану приводить полный список полезных дел, в которых «Провинциальный листок» сыграл заметную роль, — в основном они связаны с сельским хозяйством, торговлей и повседневной жизнью в Остзейских провинциях. Как когда-то мой «Откровенный» в Германии, он стал здесь главным органом для публичных пожеланий и жалоб, насколько позволял их осторожный гражданский губернатор Риги. Он отвергал все, что в Петербурге могло вызвать вопросы к местной администрации. С помощью отличных сотрудников я распространил среди публики много знаний и новых идей. Некоторые из них осуществились только тогда, когда газета уже закрылась.

Признание важности и полезности газеты, интерес к ней публики, вдохновляющая похвала министерского журнала, двойная цензура¹⁴⁵, которая, казалось, оберегала меня от каждого удара, — все это побуждало меня к расширению издания, когда в 1838 г., составляя уже последний номер, я получил известие о том, что газета закрывается.

Я запросил сведения у моего покровителя, губернатора, и он прислал мне копию письма министра просвещения Уварова генерал-губернатору, в котором было написано: с одобрения императора он поручает ему остановить в конце года печатание «Провинциального листка». Никаких причин, обвинений, нареканий и т. п. к этому добавлено не было. Вице-губернатор Кубе¹⁴⁶, близко знавший министра еще с юности, спросил его о причинах закрытия, и тот после длительного молчания, ничего не сказал против меня, кроме: «Он дурного образа мыслей»¹⁴⁷.

Что имел в виду этот человек? Я служил империи своими сочинениями, более всего — «Латышами» и газетой «Зритель». Особенно — в 1812 г. в деле с Таурогенской конвенцией и позднее — «Провинциальным листком». Служил без жалованья или вознаграждения. Когда г-н фон Кубе заявил министру об ущербе, нанесенном закрытием «Провинциального листка» рядовым читателям, тот ответил: «Меркель может перенести свои статьи в другое издание». Кубе заметил: «Но если он не захочет?» И я действительно

не хочу больше ничего печатать в Лифляндии¹⁴⁸. Действительный статский советник и вице-губернатор сам рассказывал мне об этом деле.

Мне стоит без излишних подробностей объяснить то, что могло вызвать неожиданную и странную катастрофу или предшествовать ей. Обстоятельства эти представляют некоторый исторический интерес.

Моя провинциальная газета развивалась вполне успешно: будучи неслышанным явлением в местах, далеких от литературных занятий, проникала во все уголки и приносила чистый доход в тысячу рублей серебром. Во-первых, она составила конкуренцию изданию дерптского профессора Бунге¹⁴⁹. Тот надеялся своею образованностью и статьями ученых подавить, по меньшей мере, «Литературный спутник», приложение к «Провинциальному листку». И действительно, он получил некоторый ценный вклад в свой «Дерптский ежегодник» («Dörtlischen Jahrbücher»)¹⁵⁰, особенно от петербургских ученых. Однако на журнал и на его собственные работы высокомерная профессура смотрела с долей презрения, так что после десятого номера он перестал печататься. Я сам, подогреваемый воспоминаниями и насмешками, вынудил его прислать недостающие выпуски. Он не знал провинциальную публику и ее потребностей, не понимал, как можно использовать в этом деле свои знания и вел себя с читателями, как с обязанными ему внимать студентами.

Другой формалист, бывший проповедник Напиерский¹⁵¹, благодаря перу, бойкому и угодливому перед всемогущим в Дерпте профессором, статским советником Эверсом, стал при министре князе Ливене главным директором училищ в Лифляндии и получил место цензора периодических изданий. Он объединился с Бунге для издания газеты под названием «Inland» («Внутренняя жизнь»)¹⁵², которая конкурировала с «Провинциальным листком». Теперь я должен был направить генерал-губернатору справедливое требование избавить «Провинциальный листок» от его цензуры. Я был слишком горд, чтобы сделать это, потому что знал моральную нечистоплотность моих соперников. На самом деле, хотя они пытались слыть мудрыми и знающими, их газета ценилась мало. Цензор прибегнул к уловкам и использовал свое положение, утверждая, что получил приказ из Петербурга, по которому авторы всех анонимных статей в журналах должны быть названы *sub secreto*¹⁵³. Мои коллеги заявили, что как только ему назовут имена, они с Бунге напишут каждому из них и предложат отправлять свои статьи им в «Inland». Мои корреспонденты сообщили мне это с иронией и, к великому удивлению двух ученых столпов, остались мне верными.

* Под секретом (*лат.*).

Если такой приказ действительно пришел из Петербурга, то Напиерский, несомненно, инициировал его своими наветами. Я должен был бы просить генерал-губернатора, чтобы этот указ был мне предъявлен, и напомнить ему, что он уже был обвинен в самоуправстве газетами. Я воздержался от этого, отчасти из-за презрения к своим оппонентам, отчасти потому, что знал спокойное добродушие генерал-губернатора и его положение в Петербурге. Я не мог рассчитывать, что он наберется смелости сделать министра своим врагом. Наконец, Напиерский хотел запретить мне издавать приложение к «Провинциальному листку», я пожаловался генерал-губернатору, и он его одернул: но эта победа была слишком запоздалой. Мне остается кратко перечислить отдельные события, с которых началась катастрофа в «Провинциальном листке».

Зимой 1837/38 г. министр Уваров прибыл в Ригу. Я не был вызван к нему, тому, который снискал общее презрение своим удивившим всех распоряжением¹⁵⁴. К тому же периодическая печать была подчинена не ему, а генерал-губернатору. Заявив, что сообщит нечто очень ценное, министр от имени генерал-губернатора просил, чтобы все старшие должностные лица явились к нему на аудиенцию ко двору. То, что я не пошел к нему, не значит, что я умудрен опытом, но мое чувство собственного достоинства, всегда мешавшее мне искать что-либо в обществе власть имущих или принимать от них, сдержало меня. В 1805 г. могущественный действительный статский советник Бейме¹⁵⁵ предлагал мне звание надворного советника. Я поблагодарил его и отказался, объяснив, что писатели и художники должны были бы считать свое имя титулом, иначе они не заслуживают этого звания.

То, что министр стал моим врагом, он показал, упомянув в своей речи цензора, который пропустил в «Провинциальном листке» некоторые суждения. Господин Напиерский, вместо того чтобы объяснить, что за цензуру газеты отвечает генерал-губернатор и с его стороны не было никаких возражений, сказал, что сам он отказался пропустить статью, еще когда читал ее в рукописи¹⁵⁶.

Это меня успокоило. Я полагался на защиту императора, который знал мою газету и отнесся так благосклонно, что был издан указ: во всех губернских городах империи наладить печать «Ведомостей» о внутренней жизни провинции и для поощрения умственной и промышленной деятельности¹⁵⁷. Говорят, что в некоторых из губернских городов этот указ повлек первое учреждение типографий, и неудивительно, что большинство из этих газет были сугубо официальными изданиями.

Мои надежды оказались иллюзорными. Летом 1838 г. заказ на мою сказку «Гульхинду» пришел из Петербурга книгопродавцу Гёчелу¹⁵⁸. Я

написал ее в 1799 г., она была опубликована в 1800 г. в лейпцигском альманахе «Аглая» («Aglaja»), а затем в Берлине в 1801 г. в моих «Заметках» («Skizzen»)¹⁵⁹; наконец, в 1808 г. в моих «Рассказах»¹⁶⁰, которые были напечатаны в Риге за счет одного рижского книгопродавца. Несколько недель спустя предписанием из Петербурга мои «Рассказы» были запрещены, но через тридцать лет в книжном магазине не было найдено ни одного экземпляра. Очевидно, сказка стала причиной этого запрета¹⁶¹, и, вероятно, также — распоряжения от 15 декабря того же года, по которому «Провинциальный листок» прекратил свое существование без объяснения причин.

Однако кто-то спросит, как это может быть вызвано сказкой, написанной 40 и опубликованной 30 лет назад в России уже в условиях цензуры? Я оставляю это на усмотрение читателя. Предполагаю, что в ней обнаружили несколько строк, которые в то время мог превратно истолковать злой и недалекий интерпретатор. Возможно, им оказался пресловутый Пезаровиус, которому сведущие люди могли внушить мысль раздавить «Провинциальный листок». И он же являлся моим врагом, так как много лет назад я предпринял благородные усилия: будучи расстроен тем, что Зонтага обвинили в ереси¹⁶², я ответил на это в «Зрителе» несколькими саркастическими шутками. Ему приписывают как непреходящую и высокую заслугу то, что он основал «Русский инвалид», и это подняло его до тайного советника.

К сожалению, я должен сознаться в некоторой слабости. Сначала я получил запрет на «Провинциальный листок» с формулировкой и в нескольких строках рассказал о ней подписчикам¹⁶³. Моим первым решением было, в соответствии с моим характером, оставить все как есть и гордо молчать; но горе моей жены и взгляд на моих детей, которые, конечно же, страдали, когда я потерял половину своего состояния, сделали меня слабым. Я обращался с ходатайством к императору, который неоднократно направлял меня к министру; я писал к последнему и настоятельно просил попечителя учебного округа съездить в Петербург¹⁶⁴, где моя несчастливая звезда встретила живое участие, и министр Канкрин¹⁶⁵ прислал мне написанный формуляр для нового прошения. Все это оказалось напрасно, и мне лишь осталось сожалеть о моем характере.

Примечания

¹ Город в Курляндской губернии, ныне Елгава (Латвия).

² Ульрих Генрих Густав фон Шлиппенбах (1774—1826) — поэт и переводчик, уроженец Курляндии; в 1799—1807 гг. служил земским нотариусом Пильтенского округа, в 1807—1818 гг. — пильтенским ландратом.

³ О журнале «Откровенный» см. во вступительной статье. Его издание сначала было посвящено обозрению европейской культурной жизни, затем приобрело анти-

наполеоновскую направленность. Призывая к войне с Наполеоном, Меркель выступил за вооружение народа, как это было сделано в Испании.

⁴ Заявляя об отсутствии политических изданий в русской периодике Меркель преувеличил ситуацию.

⁵ Андрей Яковлевич Будберг (1750—1812) — генерал от инфантерии, дипломат, с июня 1806 по август 1807 г. — министр иностранных дел. Автор намекает, вероятно, на вражду к нему остзейских дворян, возникшую после публикации его книги о латышях.

⁶ Христиан Александрович Бек (1768—1853) — уроженец княжества Шварцбург-Зондерсгаузен, в молодости жил в Курляндии, с 1795 г. — на русской службе, с 1801 г. — чиновник Коллегии (затем — Министерства) иностранных дел, где заведовал составлением шифров для секретной корреспонденции и дешифровки иностранных депеш; действительный статский советник с 1 января 1811 г.

⁷ Павел Гаврилович Дивов (1765—1841) — дипломат, с 1805 г. — статский советник, заведовал секретным архивом Министерства иностранных дел. Действительным тайным советником он стал только в 1836 г.

⁸ До заключенного в июне 1807 г. Тильзитского мира, российские власти искали пути для ведения антибонапартистской пропаганды. С этой целью на средства Министерства иностранных дел в 1806 г. стала издаваться газета на французском языке «Journal du Nord», подготовка которой находилась в ведении Дивова. Свои представления о задачах этой газеты доложил Будбергу граф Я. Потоцкий, в результате чего в феврале 1807 г. ему было поручено руководить редакцией «Journal du Nord». Судя по тому, что как раз тогда Меркель надеялся найти в столице «приличествующее занятие» в борьбе с «бонапартистскими газетами», он рассчитывал на место, занятое Потоцким или аналогичное ему.

⁹ Детлев фон Эйнзидель (1773—1861) — граф, посол Саксонии в России, с 1813 г. — министр внутренних дел Саксонии, затем — министр иностранных дел.

¹⁰ Альбертов талер — до 1815 г. самая распространенная денежная единица в Остзейском крае. Поэтому автор и далее указывает цены не в рублях, а в талерах и дукатах. В описываемое время 1 Альбертов талер (альбертусталер) был равен приблизительно 3 рублям 30 копейкам. Изначально так называли монету (содержанием 24,65 г серебра), которую стали чеканить в Испанских (Габсбургских) Нидерландах в 1612 г. при Альберте Австрийском. Ее ввели для торговли с германскими государствами, но затем стали использовать в Восточной Европе и остзейских провинциях. В XVIII в. такие же монеты начали чеканить в Брауншвейге, Гольштейне, Пруссии, Герцогстве Курляндском и ряде других стран.

¹¹ Здесь, как и в ряде иных мест воспоминаний, Меркель преувеличивает свою роль и значение своей газеты. Частные политические издания появились в России и Германии гораздо ранее. Так, в 1790—1830 гг. в Москве выходил «Политический журнал», являвшийся переводом аналогичного издания, печатавшегося в Гамбурге. В 1802—1830 гг. издавался журнал «Вестник Европы», созданный Н. М. Карамзиным и имевший обширный политический отдел. Если же иметь в виду исключительно газеты, то о политических новостях еще с XVIII в. писали «Санкт-Петербургские ведомости».

мости» и «Московские ведомости», с 1806 г. — петербургская «Journal du Nord», а с 1809 г. — газета «Северная почта».

¹² Луиза Августа Вильгельмина Амалия Мекленбургская (1776—1810) — принцесса Мекленбург-Стрелицкая, супруга Фридриха Вильгельма III, королева Пруссии.

¹³ Фридрих Бурхард фон Мальцан (1773—1837) — барон, гофмаршал Пруссии.

¹⁴ Карл Гофман (1770—1829) — юрист, прусский чиновник, активный деятель тайного общества Тугендбунд, в 1814—1815 гг. — организатор и руководитель «Гофмановского союза», сторонник объединения германских земель вокруг Пруссии.

¹⁵ От Tugendbund (*нем.*) — Союз доблести. Полное название: Общество развития общественных добродетелей, или Нравственно-научный союз — организация, тайно созданная в 1808 г. в Пруссии с целью возрождения патриотического духа и уничтожения зависимости страны от наполеоновской Франции.

¹⁶ Сражение при Фридланде состоялось между наполеоновскими и русскими войсками 2 (14) июня 1807 г., закончилось поражением русской армии, а в конечном итоге — заключением Тильзитского мира.

¹⁷ Тильзитский мир, заключенный 25 июня 1807 г.

¹⁸ С 16 июля 1807 г. Меркель стал выпускать газету «Зритель». См. о ней во вступительной статье.

¹⁹ Христофор-Адам Рихтер (1751—1815) — в 1797—1808 гг. лифляндский губернатор.

²⁰ Самая крупная и влиятельная газета в Остзейском крае первой половины XIX в. Меркель использует старое название, которое издание носило в 1778—1797 гг. С 1797 г. оно стало выходить под титулом «Die Rigische Zeitung» (затем написание первого слова менялось на «Rigasche» и «Rigaische»).

²¹ Газета принадлежала Юлиусу Конраду Даниелю Мюллеру.

²² Меркель имел в виду Цензурный комитет при Дерптском университете, который осуществлял в то время цензуру изданий, выходящих в Прибалтийских губерниях.

²³ Редактором «Рижской газеты» в 1808—1830 гг. был Георг Людвиг Цахариэ (?—1830), младший брат немецкого поэта и переводчика Юста Фридриха Вильгельма Цахариэ, произведения которого здесь названы.

²⁴ Рейнгольд Генрихович Беренс (1745—1823) — естествоиспытатель, доктор медицины, оставив медицинскую службу в 1784 г., вернулся на родину в Ригу и совместно с Ю. К. Д. Мюллером распоряжался типографией, бумагу для которой поставлял из Москвы его брат Адам Беренс.

²⁵ Анри Готфрид Оберлен (1778—1817) — врач, гувернер, автор книги о методах описательной географии.

²⁶ Рудольф-Захариас Беккер (1752—1822) — немецкий писатель, издавал в Готе «Национальную газету немцев» («Nationalzeitung der Deutschen»). За антифранцузскую публикацию в этой газете был арестован, но не в 1806 г., как указал Меркель, а в ноябре 1811 г. и до апреля 1813 г. находился в заключении в Магдебургской крепости.

²⁷ Улица Баускас находится в Земгальском предместье, заканчивается на окраине Риги, в Катлакалнсе, где жил Меркель.

²⁸ Газета, издававшаяся в Лейпциге в 1801—1859 гг.

²⁹ Крупнейшая берлинская газета, издававшаяся в 1740—1813 и в 1814—1872 гг. Другое ее название — по именам основателей А. Гауде и К. Шпенеру — «Haude- und Spenersche Zeitung».

³⁰ Газета, издававшаяся в Гамбурге в 1781—1840 гг.

³¹ Фридрих фон Вейраух — главный почтмейстер Риги.

³² В то время газетная операция являлась частным делом почт-директоров и почт-мейстеров: они сами устанавливали правила пересылки периодических изданий, и сборы за нее составляли их личный доход.

³³ См. примеч. 11.

³⁴ Осип Петрович Козодавлев (1754—1819) — с 1810 г. — член Государственного совета; в 1811—1819 гг. — министр внутренних дел, одновременно председатель Лифляндского комитета; занимался проведением крестьянской реформы в Остзейском крае; в 1809—1819 гг. по его инициативе и под его руководством при Министерстве внутренних дел издавалась «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета».

³⁵ Российское Библейское общество — христианская внеконфессиональная организация, созданная на рубеже 1812—1813 гг. по инициативе министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына. До его отставки в 1824 г. Общество имело огромное влияние в правительственных кругах и придворной аристократии. Греч рассказывал в воспоминаниях о том времени: «Кто не принадлежал Обществу библейскому, тому не было хода ни по службе, ни при дворе» (*Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М., 2002. С. 245). С первого же заседания общества его активным участником являлся Козодавлев, который с августа 1817 г. несколько месяцев замещал отсутствовавшего Голицына (*Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи: главы высших и центральных учреждений, 1802—1917: биобиблиогр. справ. СПб., 2002. С. 337).

³⁶ Василий Михайлович Попов (1771—1842) — в 1811—1816 гг. директор канцелярии Министра внутренних дел, действительный статский советник; с января 1813 г. — секретарь Библейского общества; позднее, в 1817—1824 гг., директор Департамента народного просвещения Министерства духовных дел и народного просвещения; привлекался к следствию: в 1824 г. по делу И. Е. Госснера, в 1837 г. по делу Е. Ф. Татариновой.

³⁷ Готгильф Теодор фон Фабер (1766 или 1768—1847) — уроженец Риги, учился в Магдебурге, затем в университетах Галле и Йены. С 1789 г., будучи в Париже, участвовал в событиях Великой Французской революции. С 1805 г. жил в России, занимаясь литературой. В 1813 г. в течение полугода редактировал «Conservateur impartial»; затем служил в дипломатических миссиях во Франкфурте, Майнце и Кобленце.

³⁸ Газета, издававшаяся в Санкт-Петербурге на французском языке в 1813—1824 гг. См. о ней во вступительной статье.

³⁹ Названная Меркелем причина преобразования газеты выглядит сомнительно, так как выходившая с 1825 г. «Journal de St. Petersburg» являлась официальным изданием Министерства иностранных дел, и перед ней не ставилась задача привлечения массового читателя.

⁴⁰ Эти экземпляры, в соответствии с законом, должны были отправляться в Цензурный комитет при Дерптском университете и в крупнейшие библиотеки империи.

⁴¹ Газета, издававшаяся Меркелем в Риге в 1811—1812 гг.

⁴² Фридрих Эберхард Рамбах (1767—1826) — уроженец Кведлинбурга, выпускник Университета Галле; ученый-экономист, историк искусства и литератор, с 1803 г. — ординарный профессор Императорского Дерптского университета, с 1804 г. — декан философского факультета, с 1814 г. — ректор университета.

⁴³ Андрей Сергеевич Кайсаров (1782—1813) — публицист, филолог, поэт, в 1811—1812 гг. — профессор русского языка в Дерптском университете; с мая 1812 г. — декан историко-филологического отделения философского факультета. В начале июля 1812 г. с чином майора ополчения был прикомандирован к штабу 1-й Западной армии.

⁴⁴ Михаил Богданович Барклай-де-Толли (1761—1818) — уроженец Остзейского края, генерал от инфантерии, в январе 1810 — августе 1812 г. — военный министр, с 1814 г. — генерал-фельдмаршал.

⁴⁵ Вильгельм-Фердинанд Геккер (1774—1842) — в 1804—1842 гг. рижский книгопродавец и арендатор типографии.

⁴⁶ Михаэль Игнац Шмидт (1736—1794) — издатель авторитетной в то время 17-томной «Истории немцев» («Geschichte der Deutschen») которая описывала события до Вестфальского мира 1648 г.

⁴⁷ Август Албанус (1765—1839) — уроженец Саксонии, с 1779 г. — в Лифляндии, педагог и протестантский пастор, суперинтендент евангелической консистории в Риге, в 1804—1819 гг. — директор Рижской губернской гимназии, в силу этой должности — цензор местных изданий.

⁴⁸ Якоб Фридрих Теодор Герман (1786—1856) — рижский чиновник и нумизмат, шурин Меркеля, с 1827 г. — надворный советник, с 1848 г. — бургомистр Риги.

⁴⁹ Осип Осипович Дюгамель (1768—1840) — в 1807—1811 гг. лифляндский вице-губернатор, в 1811—1825 гг. — лифляндский губернатор, затем рижский генерал-губернатор.

⁵⁰ Меркель написал воззвание «An die Bewohnen der Ostsee-Provinzen Russlands» («К жителям Остзейских провинций России»), которое напечатано: [Merkel G. H.]. Aufsätze während des Krieges geschrieben von G. Merkel. Riga, 1813. H. 1. S. 3—6.

⁵¹ Очевидно, Меркель имел в виду «St.Petersburgische Zeitung». Однако публикации воззвания в этом издании нами не обнаружена. Оно было напечатано в «Рижской газете» (Die Rigasche Zeitung. 1812. 9 Juli (№ 56)).

⁵² Напечатано в августовском номере журнала «Вестник Европы» с примечанием: «Сия статья доставлена вместе с предыдущю [то есть стихотворением Г. Р. Державина „Слава“] и переведена самим Гавриилом Романовичем Державиным» (1812. № 16. С. 306—309).

⁵³ Действительно, под стихотворением было указано «Коцебу», но без какого-либо хвалебного в его адрес отзыва. Недоразумение, вероятно, связано с тем, что Коцебу активно участвовал в русской антинаполеоновской пропаганде. Август фон Коцебу (1761—1819) — уроженец Веймара, популярный немецкий писатель, начиная

с 1781 г. неоднократно бывал и подолгу жил в России, принял российское подданство и состоял на русской службе: с 1813 г. — статский советник, в 1813—1816 гг. — генеральный консул России в Кенигсберге; являлся редактором ряда периодических изданий, имевших антинаполеоновское и пророссийское направление.

⁵⁴ Меркель указал на свое авторство в краткой заметке «Каждому свое!» («Jedem das Seine!») (Zuschauer. 1812. 5 Sept. (№ 702). S. 266). В сентябрьском номере «Вестника Европы» (вышедшем с цензурным разрешением от 20 декабря 1812 г.) о воззвании «К жителям Остзейских провинций России» сообщалось: «Г. Меркель объявил в рижском „Зрителе“, что сие воззвание написано им самим по поручению Лифляндского гражданского губернатора, а не г-ном Коцебу, которого имя там поставлено» (1812. № 17. С. 68).

⁵⁵ Меркель имеет в виду русские войска, которые в декабре 1812 г. вошли на территорию Пруссии, а 2 марта 1813 г. заняли Берлин. Там, в столице королевства, с 1 апреля по 29 июня 1813 г. Коцебу издавал «Русско-немецкий народный листок» («Russisch-deutsches Volksblatt»).

⁵⁶ После окончания войны с Наполеоном в германском обществе обострилась борьба двух противоборствующих направлений — консервативного и либерального, питавшего русофобские настроения. Представители последнего видели в Коцебу агента России. Он был убит членом либеральной националистической организации студентов Буршеншафтен Карлом Людвигом Зандом. Это произошло 23 февраля 1819 г. в доме писателя в Мангейме: Занд со словами «Ты — предатель отечества!» нанес ему три удара кинжалом.

⁵⁷ Город в Белоруссии, ныне Верхнедвинск.

⁵⁸ Николай Иванович Греч (1787—1867) — писатель, журналист и филолог, с октября 1812 г. издавал журнал «Сын Отечества».

⁵⁹ Меркель действительно является автором воззвания «Русский человек к своим братьям». Однако нам неизвестно ни одного его перевода на русский язык. Нет такого произведения и в журнале «Сын Отечества», где стоило бы ожидать его публикацию, если бы его перевел Греч. Иногда с ним путают другое воззвание «Житель Москвы к своим соотечественникам» («Ein Bewohner Moskwa's an seine Landsleute»), которое было переведено Гречем и опубликовано в «Сыне Отечества» (1812. № 6. С. 221—232). Последнее воззвание пользовалось большой популярностью: помимо указанного, известно еще три его издания в различных переводах на русский язык, четыре издания — на немецком, по одному — на французском и латышском языках (см. библиографию у А. Г. Тартаковского, который приписывает это воззвание Меркелю: Тартаковский А. Г. Из истории русской военной публицистики 1812 года // 1812 год: к столетию Отечественной войны : сб. ст. М., 1962. С. 236). Путаница связана с тем, что под названием «Ein Bewohner Moskwa's an seine Landsleute» существуют два разных текста. Автором первого, снискавшего известность и порой приписываемого Меркелю, по мнению Е. С. Денисенко, является О. О. Реман (Денисенко Е. С. Воззвание «Житель Москвы к своим соотечественникам. В октябре 1812» и его предполагаемый автор // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы : материалы XI Всерос. науч. конф., Бородино, 8—10 сентября 2003 г. Можайск, 2004. С. 110—113). Другое, гораздо менее пространное воззвание по сути

стало кратким парафразом и откликом на первое. Именно оно принадлежит Меркелю, который напечатал его в журнале «Зритель» (1812. 19 November (№ 723). S. 357), а затем в сборнике своих воззваний (*Aufsätze während des Krieges geschrieben*. Riga, 1813. Heft 1. S. 9—10). Переводы этого воззвания на русский язык нам неизвестны.

⁶⁰ Иван Николаевич (Магнус Густав) фон Эссен (1759—1813) — генерал-лейтенант, с 1809 по октябрь 1812 г. — военный губернатор Риги.

⁶¹ 23 июля 1812 г. наблюдатели заметили передовые отряды прусского корпуса, которые переправились через Даугаву и достигли нынешнего Кенгарагса. Эссен получил известие об этом среди ночи и тут же распорядился поджечь Московское и Петербургское предместья Риги. Из-за сильного ветра площадь пожара значительно увеличилась, и без крова остались 7 тысяч человек. Прусские же войска были отбиты. Как отметил первый публикатор этих воспоминаний Г. Дидерикс, историк В. фон Гутцайт доказывал оправданность действий Эссена (*Gutzeit W. Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands / Hrgs. von der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der russischen Ostseeprovinzen zu Riga*. Riga, 1868. Bd. 11, S. 551 ff.). Эссен не покончил с собой, а утонул 8 июля 1813 г. в Балдоне.

⁶² Филипп Осипович Паулуччи (Paulucci; 1779—1849) — уроженец Модены, на русской службе — в 1807—1830 гг., с 1819 г. — генерал-лейтенант русской армии, с 1812 г. — генерал-адъютант, с 17 октября 1812 г. — военный губернатор Риги и командир отдельного корпуса; с ноября 1812 г. — лифляндский и курляндский генерал-губернатор, с 1818 по 1830 гг. — также эстляндский и псковский генерал-губернатор. См. о нем: *Gutzeit W.* Указ. соч. S. 546 ff.

⁶³ Каттаро — крепость и город, ныне Кóтор (Черногория). 2 марта 1806 г. австрийские власти передали город представителям адмирала Д. П. Сенявина, командующего Второй Архипелагской экспедицией. Под их контролем город находился до 14 августа 1807 г., когда в результате Тильзитского мира перешел под власть Франции.

⁶⁴ Карл Людвиг Август фон Фуль (1757—1826) — барон, прусский военный теоретик, с декабря 1806 г. — на русской службе в чине генерал-майора; с 1809 г. — генерал-лейтенант.

⁶⁵ О Йорке см. вводную статью, примеч. 4.

⁶⁶ Этьен-Жак-Жозеф-Александр Макдональд (1765—1840) — герцог Торентский, маршал Французской Империи и пэр Франции.

⁶⁷ Педро Каро-и-Суредра, маркиз де Ла Романа (1761—1811) — испанский генерал-лейтенант, участник наполеоновских войн. В 1808 г., будучи командиром испанского корпуса наполеоновской армии, подготовленного для боевых действий в Ганновере, Ла Романа узнал о произошедшем 2 мая Мадридском восстании и его подавлении войсками Наполеона. После этого он и большая часть корпуса вернулись в Испанию на датских судах и приняли активное участие в борьбе с французами.

⁶⁸ В этом письме Паулуччи предлагал Йорку и такой вариант действий: соединить их войска, арестовать Макдональда и «приверженцев французской партии», а затем «двинуться на освобождение своего короля» (Письмо генерала маркиза Паулуччи на имя Командующего Прусскими войсками в Курляндии генерал-лейтенанта Йорка от 2 (14) ноября // *Военский К. А.* Акты, документы и материалы для политической

и бытовой истории 1812 года. СПб., 1911. Т. 2: Балтийская окраина в 1812 году. С. 331—333).

⁶⁹ Эти сведения были направлены Паулуччи во всеподданнейшем рапорте императору Александру I от 10 (22) ноября 1812 г. (*Военский К. А.* Указ. соч. С. 336—337). Причем или Меркель, разбирая сделанную им более 35 лет назад копию письма, или публикатор мемуаров Дидерикс засомневался в количестве артиллерийских орудий и обозначил его «16 (?61)».

⁷⁰ Письмо генерала Йорка маркизу Паулуччи из Митавы 8 (20) ноября 1812 г. (*Военский К. А.* Указ. соч. С. 334—335).

⁷¹ Сделано это 14 ноября 1812 г. Паулуччи получил от Йорка два письма — официальное и частное — и оба их отправил императору (*Военский К. А.* Указ. соч. С. 338—339).

⁷² Имеется в виду рескрипт императора Александра I маркизу Паулуччи от 6 декабря 1812 г. Император выразил в нем готовность заключить с королем Пруссии договор, в котором он примет на себя обязательства добиваться увеличения прусской территории (*Военский К. А.* Указ. соч. С. 368—371).

⁷³ См. *Военский К. А.* Указ. соч. С. 350—351.

⁷⁴ Антон Флориан Фридрих фон Зейдлиц (1777—1832) — уроженец Магдебурга, майор прусской армии, в будущем генерал-майор.

⁷⁵ Город на территории Пруссии, ныне — Клайпеда (Литва).

⁷⁶ Письмо Зейдлица маркизу Паулуччи 15 (27) декабря 1812 г. (*Военский К. А.* Указ. соч. С. 380—381).

⁷⁷ Меркель ошибся: такое письмо датировано 8 (20) декабря 1812 г. (*Военский К. А.* Указ. соч. С. 372—373).

⁷⁸ Еарл Дона (1784—1859) — граф, прусский офицер, перешел на русскую службу в 1811 г., когда Пруссия вступила в союз с Францией против России, участвовал в Бородинском сражении; в чине подполковника русской армии являлся посредником при заключении 30 декабря 1812 г. конвенции между Йорком и графом И. И. Дибичем; в 1815 г. возвратился на прусскую службу и впоследствии получил чин генерал-фельдмаршала.

⁷⁹ Иван Иванович (Ханс Карл Фридрих Антон) фон Дибич (1785—1831) — уроженец Пруссии, выпускник Берлинского кадетского корпуса, в русской службе с 1801 г.; в декабре 1812 г. в чине генерал-майора, командуя отрядом авангарда армии П. Х. Витгенштейна, заключил с Йорком Таурогенскую конвенцию; в 1827 г. получил титул графа, в 1829 г. — титул Забалканский и чин генерал-фельдмаршала.

⁸⁰ Граф Дона маркизу Паулуччи из Ворни 16 (28) декабря 1812 г. (*Военский К. А.* Указ. соч. С. 386—389).

⁸¹ Заявляя о победе над Йорком и капитуляции его подразделения, Меркель явно исказил ситуацию: для русских было несомненным успехом добиться соблюдения нейтралитета прусским корпусом, но произошло это без боевых столкновений и сдачи оружия.

⁸² Таурогенская конвенция — соглашение о нейтралитете прусского вспомогательного корпуса, заключенное 30 декабря 1812 г. близ города Тауроген между Дибичем и Йорком.

⁸³ Сообщение о том, что Наполеон покинул остров Эльбу и высадился на юге Франции, Меркель опубликовал 16 марта 1815 г. (Zuschauer. 1815. 16 März (№ 1080). S. 125).

⁸⁴ Вероятно, речь идет о генеральном консуле короля Франции Буржуа (Bourgeoi), 12 марта прибывшем в Ригу и вместе с сопровождающими остановившемся в гостинице «Петербургской» (Rigasche Zeitung. 1815. 17 März (№ 22). S. 4).

⁸⁵ Меркель путается в хронологии событий. Он повторно описывает эпизод, который прежде связывал с 1814 г. (с. 337), здесь же вспоминает его в связи с обстоятельствами 1815 г. Известно, что Козодавлев был командирован в Ревель, Ригу и Митаву 30 марта — 25 июля 1813 г. (Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. С. 336). О пребывании его в Риге в 1814 г. и в 1815 г. данных нет. Тем не менее заслуживает внимания свидетельство Меркеля о попытке министра внутренних дел использовать его издание в интересах Библейского общества и, вероятно, в своих собственных.

⁸⁶ Газета, издававшаяся Меркелем в 1811—1812 гг. О ее прекращении с сентября 1812 г. издатель объявил в конце августа, предложив подписчикам вместо «Литературно-художественной газеты» получать до конца года газету «Зритель» (Zuschauer. 1812. 29 August (№ 700). S. 256).

⁸⁷ Алексей Николаевич Оленин (1763—1843) — государственный деятель, историк, археолог, художник-график, с 1801 г. — статс-секретарь, с 1811 г. — директор Императорской Публичной библиотеки, в 1814—1827 г. — государственный секретарь, с 1827 г. — член Государственного совета.

⁸⁸ Газета «Северная пчела» была создана в 1825 г. Ф. В. Булгариным. В ее издании принимал участие и Греч, но формально ее соиздателем он стал только с 1831 г., когда она превратилась в ежедневное издание. Нет данных о поддержке Олениным «Северной пчелы», однако известно, что в 1812 г. он оказал покровительство Гречу при создании им журнала «Сын Отчества».

⁸⁹ Пиетизм — возникшая в XVII в. в Германии деноминация в лютеранстве и реформаторстве, для которой характерно придание особого значения личному благочестию, ощущению живого общения с Богом и нравственному совершенствованию. В первой трети XIX в. среди российских лютеран развивалась конфронтация двух направлений — пиетизма и рационализма. Первое имело немало апологетов в столичных кругах, в частности, в учрежденной в 1819 г. Евангелической генеральной консистории. Странниками второго являлись знать и многие дворяне остзейских губерний. Одним из их лидеров был генерал-суперинтендент К. Г. Зонтаг.

⁹⁰ Пауль Вильям (Павел Павлович) фон Помиан де Пезаровиус (1776—1847) — уроженец Вольмара, выпускник Йенского университета; служил в комиссии составления законов и в юстиц-коллегии Российской империи; в феврале 1813 г. начал издание газеты «Der russische Invalide» и с помощью переводчиков — ее аналога «Русский инвалид»; используя обе газеты, организовал благотворительную деятельность в поддержку пострадавших участников войны; с 1819 г. — вице-президент Евангелической генеральной консистории.

⁹¹ Александр Николаевич Голицын (1773—1844) — князь, в 1803—1817 гг. — обер-прокурор Святейшего правительствующего синода; в 1817—1824 гг. — министр духовных дел и народного просвещения.

⁹² Карл Андреевич фон Ливен (1767—1844) — барон, с 1799 г. — граф, с 1826 г. — светлейший князь, из древнего курляндского рода; с 1799 г. — генерал-лейтенант; в военной службе — до 1801 г.; в 1817—1828 гг. — попечитель Дерптского учебного округа; с 1819 г. — президент Евангелической генеральной консистории; с 1827 г. — генерал от инфантерии; в 1828—1833 гг. — министр народного просвещения.

⁹³ В соответствии с первым цензурным уставом, действовавшим в 1804—1826 гг., цензуру в трех прибалтийских губерниях осуществлял Цензурный комитет при Дерптском университете. В сентябре 1826 г., когда вступил в силу новый устав, его сменил Дерптский цензурный комитет. В апреле 1828 г. был принят третий цензурный устав, в соответствии с которым в Риге появились два отдельных цензора (их обязанности исполняли учителя и инспекторы Рижской гимназии). До 1828 г. все цензоры Прибалтийского края подчинялись попечителю Дерптского учебного округа. С принятием третьего цензурного устава попечитель уже в силу своей должности стал председателем Дерптского цензурного комитета (см.: Гринченко Н. А., Измозик В. С., Патрушева Н. Г., Сомов В. А., Эльяшевич Д. А. История цензурных учреждений Прибалтийских губерний, конец XVIII в. — 1917 г. // Книжное дело в России XIX — начала XX века. СПб., 2003. С. 124—125). Однако в том же Цензурном уставе 1828 г. (§ 22) было прописано, что цензура периодических изданий в остзейских и других пограничных губерниях подчиняется местному генерал-губернатору. На практике, в условиях действовавшего подчинения местных цензурных комитетов Главному управлению цензуры это создавало ситуацию двоеначалия. В таком положении Меркель стремился игнорировать власть цензурного комитета, контролируемого из столицы. Это вполне соответствовало традициям остзейцев, устраивавших жизнь в крае по принципу «государства в государстве».

⁹⁴ Почтмейстеры, возглавлявшие губернские почтовые конторы, находились в ведении Почтового департамента Министерства внутренних дел.

⁹⁵ Частное издание, выходившее с 1712 г.; в описываемое время — одна из наиболее влиятельных ежедневных немецких газет; полное название «Staats- und gelehrte Zeitung des Hamburgischen unpartheyischen Correspondenten».

⁹⁶ Издававшаяся в Аугсбурге в 1798—1818 гг. влиятельная немецкая газета; полное название «Augsburger Allgemeine Zeitung» («Аугсбургская всеобщая газета»).

⁹⁷ Эрнст Антон Трухард (1764—1835) — чиновник городской управы Риги, журналист; служил в городском полицейском управлении, с 1811 г. — чиновником по сбору налогов с питейных заведений; в 1806—1807 гг. редактировал рижский журнал «Немецко-русская молва» («Fama für Deutsch-Rußland»), с 1827 г. сотрудничал с «Рижской газетой».

⁹⁸ По рассказу Тиберия Доната, Вергилий однажды написал двустиишие с хвалой императору Августу на воротах его дворца. Поэт Батил выдал двустиишие за свое и получил награду. После этого Вергилий сделал новую надпись: «Nos ego versiculos feci, tulit alter honores» и добавил к ней: «sic vos non vobis». Когда ни Батил, ни прочие не смогли дополнить его слова, Вергилий, сделал это в четырех вариантах: «Так вы

не для себя вьете гнезда, птицы, Так вы не для себя приносите шерсть, овцы, Так вы не для себя мед собираете, пчелы, Так вы не для себя плуг тащите, волю». Выражение используют, когда хотят указать, что почести за труды одного достались другому.

⁹⁹ Имеется в виду газета «Berlinische Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen». См. о ней примеч. 29.

¹⁰⁰ Иоганн Якоб Энгель (1741—1802) — немецкий писатель и философ, директор берлинского Национального театра, воспитатель будущего короля Фридриха-Вильгельма III, издатель журнала «Светский философ» («Der Philosoph für die Welt»).

¹⁰¹ Меркель явно преувеличил свою роль в деле учреждения Берлинского университета (ныне Берлинский университет Гумбольдта). Известно, что концепцию этого университета разработал В. фон Гумбольдт, который воплощал идеи к тому времени покойного своего наставника Й. Я. Энгеля. Заслуги последнего подчеркивал еще первый публикатор этих мемуаров Г. Дидерикс, ссылаясь на мнение автора исследования об основании университета Р. Кёпке (*Köpke R. Die gründung der Königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. Berlin, 1860. S. 20*).

¹⁰² Битва при Йене между Великой армией Наполеона и прусскими войсками произошла одновременно со сражением при Ауэрштедте 14 октября 1806 г. В обоих битвах Пруссия потерпела поражение.

¹⁰³ Финляндия перешла к России в результате Русско-шведской войны 1808—1809 гг. В то время Норвегия входила в единое государство с Данией. В преддверии общей войны с Наполеоном Россия и Швеция тайно заключили 24 марта (5 апреля) 1812 г. Петербургский союзный договор. В соответствии с ним Швеция в 1813 г. вступила в войну против наполеоновской Франции и союзной с ней Данией, а Россия согласилась на присоединение к Швеции Норвегии, что и произошло в 1814 г.

¹⁰⁴ Статья Меркеля «Будущая судьба Греции: (скромное размышление частного человека)» из его берлинского журнала была перепечатана в «Сыне Отечества» (1816. Ч. 32. С. 66—73).

¹⁰⁵ Вильгельм Трауготт Круг (1770—1842) — философ и писатель, в 1804 г. сменивший Канта на кафедре философии в Кенигсбергском университете, в 1809 г. — профессор в Лейпцигском университете. Имеется в виду его брошюра «Возрождение Греции: программа пасхальной службы» (*Griechenlands Wiedergeburt: ein Programm zum Auferstehungsfeste. Leipzig: Brockhaus, 1821. 55 S.*).

¹⁰⁶ Фридрих Вильманс (1764—1830) — издатель, книгопродавец, с 1803 г. работал во Франкфурте-на-Майне. В то время не редкостью являлись случаи, когда издатели, желая избежать ответственности за печать потенциально опасной или способной вызвать конфликт книги, указывали в выходных данных ложное место ее издания.

¹⁰⁷ Максимилиан I Мария Михаэль Иоганн Баптист Франц де Паула Иосиф Каспар Игнатий Непомук Баварский (1756—1825) — король Баварии, представитель династии Виттельсбахов, в 1799—1806 гг. — курфюрст Баварии под именем Максимилиан IV, в 1806—1825 гг. — король Баварии под именем Максимилиан I.

¹⁰⁸ Конституция Баварского королевства введена в действие специальным указом короля Максимилиана I 26 мая 1818 г. Вслед за ней 22 августа 1818 г. была принята конституция Великого Герцогства Баденского.

¹⁰⁹ Старейшая мюнхенская газета, под разными наименованиями известная с 1680 г.: с 1807 по июль 1848 г. издавалась под названием «Мюнхенская политическая газета с высочайшими привилегиями» («Münchener politische Zeitung mit allerhöchstem Privilegium»).

¹¹⁰ Русско-турецкая война 1828—1829 гг.

¹¹¹ Так у Меркеля. В действительности, в 1808—1839 гг. султаном Османской империи являлся Махмуд II (1785—1839), который, проведя ряд реформ, заложил основы Танзимата.

¹¹² Сергей Григорьевич Строганов (1794—1882) — с 1822 г. барон, с 1818 г. — граф, генерал-майор, флигель-адъютант, с 26 марта 1831 г. — исполняющий обязанности рижского военного губернатора; 24 сентября 1831 г. командирован в Пуссию; с 24 сентября 1831 г. по 25 апреля 1832 г. — временный минский военный губернатор.

¹¹³ Возможно, этим полковником являлся Дмитрий Семенович Языков (1793—1856), во время Польского восстания направленный в г. Вильно, центр 3-го Округа корпуса жандармов (включавший три прибалтийские губернии). После того как этот округ стал называться 4-м, в феврале 1832 г. Языков был назначен исправляющим должность его начальника, а в 1835 г. — утвержден начальником округа и получил чин генерал-майора (благодарим за справку Г. Н. Бибикова).

¹¹⁴ Георг Фридрих (Егор Егорович) фон Фелькерзам (1766—1848) — барон, уроженец Курляндии, учился в Геттингенском университете; с ноября 1812 г. служил в канцелярии лифляндского генерал-губернатора, в 1813 г. стал правителем канцелярии; в 1829—1847 гг. — лифляндский гражданский губернатор.

¹¹⁵ Густав (Евстафий Федорович) Петерсен (1782—1839) — выпускник Дерптского университета, младший брат поэта Карла Петерсена, с 1821 г. — лифляндский губернский прокурор, надворный советник.

¹¹⁶ Иоганн Карл Шпенер (1749—1827) — потомственный берлинский книгопродавец Дерптского университета, младший брат поэта Карла Петерсена, с 1821 г. — лифляндский губернский прокурор, надворный советник.

¹¹⁷ Николай Петрович Румянцев (1754—1826) — граф, в 1802—1810 гг. — министр коммерции; в 1808—1814 гг. — министр иностранных дел; с 1809 г. — Государственный канцлер; в 1810—1812 гг. — председатель Государственного совета и Комитета министров.

¹¹⁸ Карл Готлоб Зонтаг (1765—1827) — протестантский пастор, богослов, философ, журналист и издатель, лифляндский генерал-суперинтендент и президент Лифляндской евангелической консистории.

¹¹⁹ Газета, издававшаяся в Риге Зонтагом: 53 номера вышли со 2 декабря 1813 по 31 декабря 1814 г.

¹²⁰ Эти 12 номеров выходили с 4 января по 31 марта 1817 г.

¹²¹ Эрнст Карлович фон Сиверс (1795—1876) — нотариус и секретарь в городском суде (указано Ю. Н. Полянской).

¹²² Еженедельник, который издавался и редактировался в 1823—1827 гг. Зонтагом, печатался в типографии В. Ф. Геккера.

¹²³ Виндава и Либава — находящиеся в Курляндской губернии портовые города; ныне — Вентспилс и Лиепая (Латвия).

¹²⁴ Отношения Меркеля и издателя газеты «Северная пчела» Фаддея Венедиктовича Булгарина (1789—1859) развивались весьма непросто. Как отметил С. Г. Исаков, в конце 1820-х гг. Булгарин являлся «первой величиной в русской литературе для Г. Меркеля». Затем, в 1830—1831 гг., Меркель прекращает писать о Булгарине в своей газете, а «с 1834 г. появляются и первые выступления против издателя „Северной пчелы“». (Исаков С. Г. Русская культура и литература на страницах некоторых немецких прибалтийских периодических изданий 1810—1830-х гг. // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1973. Вып. 306: Труды по русской и славянской филологии, 21. С. 418, 422).

¹²⁵ Подробнее об этом Меркель рассказывает далее на с. 360.

¹²⁶ Вероятно, Меркель имел в виду Статистическое отделение при Совете министра внутренних дел, созданное 20 декабря 1834 г. Затем, 28 января 1835 г. был принят Указ Правительствующего сената об организации губернских статистических комитетов.

¹²⁷ Имеется в виду «Журнал Министерства народного просвещения», который стал издаваться по инициативе нового министра народного просвещения С. С. Уварова в 1834 г.

¹²⁸ 3 июня 1837 г. обнародовано «Положение о порядке производства дел в губернских правлениях», в результате которого с 1838 г. было обеспечено издание губернских ведомостей (состоящих из официальной и неофициальной частей) в 42 губерниях.

¹²⁹ Центральный город Эстляндской губернии, ныне — Таллин.

¹³⁰ «Положение о порядке производства дел в губернских правлениях» не распространялось на Остзейский край и ряд других областей как «имеющих свои особые учреждения» (ПСЗ. СПб., 1837. Т. 12. № 10303. § 2). Уже поэтому нет оснований связывать попытку закрыть газету Меркеля с учреждением губернских ведомостей.

¹³¹ Вильгельм Фридрих фон Кейслер (1777—1828) — уроженец Баварии, выпускник Йенского университета, педагог и метеоролог; с 1807 г. — старший учитель математики и физики в Рижской губернской гимназии; в 1818—1820 гг. и с 1821 г. — заместитель директора губернского школьного управления, в силу должности исполнял обязанности цензора; печатался в издаваемой Меркелем «Литературно-художественной газете».

¹³² Иоганн Филипп Густав фон Эверс (Ewers; 1781—1830) — историк права, уроженец Падерборна, выпускник Геттингенского университета, с 1803 г. — в Лифляндии, с 1809 г. — член-корреспондент, а с 1826 г. — почетный член Санкт-Петербургской Академии наук, с 1810 г. — профессор, в 1818—1830 гг. — ректор Дерптского университета, в 1812 г. — цензор, а в 1818—1826 гг. — председатель Цензурного комитета при Дерптском университете, затем Дерптского цензурного комитета.

¹³³ Имеется в виду цензор К. Э. Напиерский, о котором см. примеч. 151.

¹³⁴ Первое российское страховое от огня общество учреждено 22 июня 1827 г. и получило на 20 лет монополию на страхование от пожаров.

¹³⁵ Страховое общество являлось частным, акционерным, но действовало под контролем государства. Председателем его правления до 1844 г. являлся граф Н. С. Мордвинов.

¹³⁶ «Свод местных узаконений губерний остзейских» впервые был издан в 1845 г. (Ч. 1—2); затем в 1853 г. вышло его «Продолжение», а в 1864 г. — Ч. 3.

¹³⁷ Точное название — «Статуты и права города Риги», свод городских нормативных правовых актов, созданный в 1673 г. и действовавший до издания «Свода местных узаконений губерний остзейских» 1845 г. Эти узаконения де-факто имели приоритет над законами империи и обеспечивали Остзейскому краю положение государства в государстве. Согласно им, немецкие дворяне в сравнении с русскими дворянами обладали существенными привилегиями, а свыше двух третей населения Риги (в большинстве своем жители предместий — русские, латыши и евреи) не имели прав граждан.

¹³⁸ Объясняя эту коллизию, С. Г. Исаков рассказывал: «В 1834 г. Ф. В. Булгарин опубликовал в „Северной пчеле“ (№№ 229—232) обширный „Взгляд на статью в пятом томе «Библиотеки для чтения», сочинение К. И. Арсеньева, под заглавием «Путевые записки. Ямбург. Нарва. Псков. Изборск. Печоры. Псковская губерния. Рига. Ливония»». В нем он резко выступил против особых прав немецких купцов и ремесленников в Риге и вообще в прибалтийских городах, а также против привилегий остзейского дворянства, которые направлены против русских». Эта статья вызвала скандал, тем более, что отрывки из нее в переводе на немецкий опубликовала «Рижская газета» (Rigasche Zeitung. 1834. 28 November (№ 143). Меркель в своей газете выступил с возражениями, указывая на «исторические» права Риги и привилегии рижских бюргеров (*Dr. G. M[erker]. Statistische Berichtungen // Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland. 1834. 6 Dezember (№ 49). S. 198—199; 13 Dezember (№ 50). S. 201—203*). Булгарин выступил в ответ с «Журнальным объяснением» (Северная пчела. 1835. 5 января (№ 4). С. 15). Меркель сначала откликнулся на это краткой заметкой: *Zur Chronik der Ostseeprovinzen // Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland. 1835. 17 Januar (№ 3). S. 9*). Затем он напечатал пространную полемическую статью (*Dr. G. M[erker]. Literarisches Schlusswort zu einer nicht-literarischen Verhandlung // Literarischer Begleiter des Provinzialblättes. 1835. 31 Januar (№ 4/5). S. 8*). Как заметил Исаков: «С этого времени Г. Меркель на страницах своего издания отзывался о Ф. Булгарине и его творениях лишь негативно или иронически» (Исаков С. Г. Указ. соч. С. 423—424).

¹³⁹ Фридрих Готфрид Тимм (1779—1848) — нотариус, затем член городского самоуправления, в 1834—1845 г. — бургомистр рижского магистрата.

¹⁴⁰ Эберхардт Кюн — бургомистр, у автора его фамилия указана по-французски: Cuhne.

¹⁴¹ Людвиг (Любим) Иванович фон Штиглиц (1779—1843) — барон, уроженец княжества Вальдек, с 1803 г. — в Санкт-Петербурге, в 1812 г. перешел из иудаизма в лютеранство, глава банкирского дома «Штиглиц и К°», придворный банкир Александра I и Николая I.

¹⁴² В 1830-е гг. ни в Остзейском крае, ни в Санкт-Петербурге не выходило никаких еврейских газет. Возможно, Меркель имел в виду «Всеобщую еврейскую газету»

(«Allgemeine Zeitung des Judenthums»), которая с мая 1837 г. издавалась на немецком языке Л. Филиппсоном (первоначально в издательстве Баумгертнера в Лейпциге). Она имела подзаголовок: «Беспристрастный орган для всех еврейских интересов в политике, религии, литературе, истории, лингвистике и художественной литературе».

¹⁴³ Шлок — городок, расположенный в 32 верстах от Риги. Евреи, как и большинство иных жителей рижских посадов, не имели прав граждан этого города. Многие из них, де-факто живя в Риге, записались в мещанство и купечество Шлока. В 1835 г. законное право проживать в Риге предоставили лишь тем евреям, которые по ревизии были записаны ее жителями.

¹⁴⁴ Городок в Эстляндской губернии, ныне — Лихула (Эстония).

¹⁴⁵ Меркель имеет в виду контроль, осуществляемый одновременно генерал-губернатором и Дерптским цензурным комитетом.

¹⁴⁶ Леонтий Иванович фон Кубе — в 1821—1852 гг. вице-губернатор Лифляндии, с 1836 г. — действительный статский советник.

¹⁴⁷ Уваров неоднократно использовал выражение «дурное направление газеты „Provinzialblatt“» как стандартную формулировку. Так он писал 12 декабря 1838 г., обращаясь к императору с предложением прекратить издание этой газеты. Прежде в схожих выражениях он обращался к попечителю Дерптского учебного округа и членам Главного управления цензуры (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1126. Л. 23 об., 6, 5). О вероятных причинах закрытия газеты см. вступительную статью, а подробнее: *Бадалян Д. А., Фафурин Г. А.* Министр народного просвещения С. С. Уваров и закрытие газеты «Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland» // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. Т. 220. С. 101—103.

¹⁴⁸ Как показано во вступительной статье, в действительности Меркель уже 4 января 1839 г. подписал прошение о разрешении ему нового издания, но ему было в том отказано.

¹⁴⁹ Федор Андреевич (Фридрих Георг) фон Бунге (1802—1897) — русский юрист и историк, исследователь права в Остзейских провинциях России.

¹⁵⁰ Имеется в виду: *Dörptischen Jahrbücher für Statistik, Literatur und Kunst* / Hrsg. *Dr. Blum u. a.* Riga und Dorpat: Verlag von E. Frantzen's Buchhandlung, 1833—1835; Bd. 1—4; Bd. 5. Leipzig, 1835.

¹⁵¹ Карл Эдуард Яковлевич Напиерский (Напирский) (1793—1864) — историк, выпускник богословского факультета Дерптского университета, доктор богословия Кенигсбергского университета; в 1815—1829 гг. — проповедник в казенном пасторате в Лифляндии; в 1829—1849 гг. — директор рижских училищ, отдельный цензор в Риге. См.: *Цензоры Российской империи: конец XVIII — начало XX века* : биобиблиогр. справ. СПб., 2013. С. 264.

¹⁵² *Das Inland* : eine Wochenschrift für die Tagesgeschichte Liv-, Esth- und Kurland's Geschichte, Geographie, Statistik und Litteratur / Hrsg.: Dr. F. G. Bunge und Dr. C. F. Napiersky. Dorpat : C. A. Kluge, 1836—1863.

¹⁵³ В соответствии с распоряжениями министра народного просвещения Ливена от 29 января 1830 г. и 29 марта 1831 г. цензура должна была иметь сведения о подлинных именах авторов всех оригинальных и переводных статей в периодических

изданиях (*Патрушева Н. Г., Фут И. П.* Циркуляры цензурного ведомства Российской империи : сб. документов. СПб., 2016. С. 60).

¹⁵⁴ Ненависть остзейцев к Уварову вызвали его меры по организации преподавания русского языка в учреждениях Дерптского учебного округа (*Шевченко М. М.* Записка 1841 года об Остзейском крае из архива графа С. С. Уварова // Величие и язвы Российской Империи : междунар. науч. сб. в честь 50-летия О. Р. Айрапетова. М., 2012. С. 127—134). Так, на рубеже 1836—1837 гг. было объявлено, что через 3 года без знания русского языка нельзя будет стать учителем в гимназии или училище округа, а через 5 лет — студентом Дерптского университета.

¹⁵⁵ Карл-Фридрих фон Бейме (1765—1838) — граф, юрист, политик, в 1808—1810 гг. — министр юстиции Пруссии.

¹⁵⁶ Действительно, в ситуации конфликта Уварова с Меркелем Напиерский выполнял волю министра, в ведомстве которого он служил.

¹⁵⁷ Нет никаких данных о том, что пример газеты Меркеля послужил идее создания системы губернских ведомостей. Можно лишь предположить, что его «Провинциальный листок» был известен министру финансов Е. Ф. Канкрину, который в декабре 1828 г. «обратился в Комитет министров с предложением издавать губернские газеты для содействия местной торговле и промышленности». В результате этого был учрежден «комитет для разработки законопроекта о местных официальных изданиях», и 27 октября 1830 г. обнародовано «Положение об издании губернских ведомостей», согласно которому издание газет предписывалось в 6 губерниях европейской части России (*Шевцов В. В.* Губернские ведомости в законодательстве Николая I // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2007. Выпуск 3 (66). С. 75). В полной мере этот проект не был осуществлен. Система губернских ведомостей сложилась лишь после издания в 1837 г. «Положения о порядке производства дел в губернских правлениях» (см. примеч. 130).

¹⁵⁸ Эдмунд Август Гёчел (1810—1853) — рижский книгопродавец, книжную торговлю изучал в Риге и Дерпте, в течение двух лет занимался ей в Германии; издатель ряда произведений Меркеля, в частности: *Kritische Antiken: Ein Beitrag zur Literatur-Geschichte Deutschlands von Dr. G. Merkel*. Riga : bei E. Götschel, 1837. 90 S.

¹⁵⁹ В действительности, сказка была опубликована годом позже: *Merkel G. H. Gulhindy* : Ein Märchen // *Randzeichnungen von G. Merkel: Ein Buch dem der Verfasser viel Leser wünscht*. 6te Aufl. Berlin : bei C. Quien, 1802. S. 207—252.

¹⁶⁰ *Merkel G. H. Sämtliche Schriften*. Leipzig, Riga : Hartmann, 1808. Bd. 2. S. 268—300.

¹⁶¹ Сказка «Гульхинда» была напечатана в Москве в 1810 г. в русском сборнике «Новое собрание трогательных повествований, любопытных анекдотов...» (С. 118—168). Причиной запрета издания 1808 г. была не сказка «Гульхинда», а, как отмечено во вступительной статье, ряд допущенных Меркелем резких критических выпадов в адрес императрицы Елизаветы Петровны (*Merkel G. Sämtliche Schriften*. Leipzig und Riga : bey K. J. G. Hartmann, 1808. Bd. 2, S. 40—41).

¹⁶² Вероятно, речь идет о реакции Евангелической генеральной консистории во главе с Ливеном на публикацию в 1819 г. второго тома работы Зонтага «Нравственные взгляды женщин на мир и жизнь» («Sittliche Ansichten der Welt und des Lebens für das

weibliche Geschlecht»), в которой имелись суждения, неприемлемые для лютеранской ортодоксии.

¹⁶³ Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland. 1838. 29 December (№ 52). S. 208.

¹⁶⁴ Евстафий Борисович (Густав) Крафстрем (1784—1854) — с 1833 г. генерал-лейтенант; с 1836 г. — попечитель Дерптского учебного округа, член Главного управления училищ.

¹⁶⁵ Георг Людвиг (Егор Францевич) Канкрин (1774—1845) — граф, уроженец Гессен-Касселя; учился в Гисенском и Марбургском университетах; в России — с 1797 г., в 1823—1844 гг. — министр финансов; с 1826 г. — генерал от инфантерии.

AD MEMORIAM